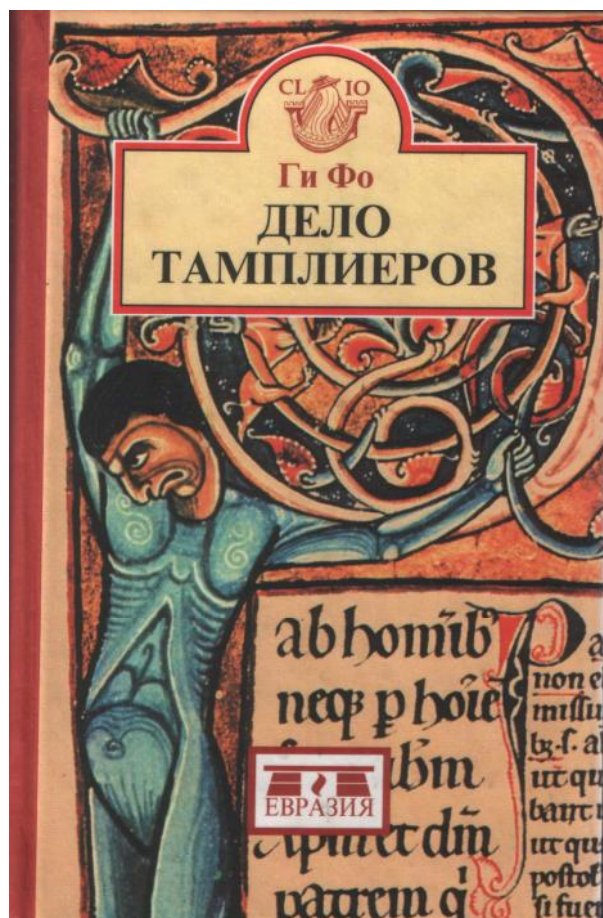

Фо Ги. Ф74 Дело тамплиеров. Пер. с франц. Чудиновой. Е. В. - СПб.: Евразия, 2004. - 224 с. ISBN 5-8071-0144-8

ББК 63.3(0)4 УДК 94

©Чудинова Е. В., перевод с франц., 2003

©Карачинский А. Ю., от редактора, 2003

©Лосев П. П., обложка, 2004 ISBN 5-8071-0144-8

© Евразия, 2004

OCR Анохин Вадим. Январь 2005 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
I. ПРОБЛЕМА	6
II. ОРДЕН ХРАМА ДО НАЧАЛА ПРОЦЕССА	8
Перемены	8
Богатство	8
Конфликты	10
Основные упреки	10
Мнение Филиппа Красивого	11
III. ДЕЛО БОНИФАЦИЯ И ПРОЦЕСС ТАМПЛИЕРОВ	12
Великое отречение	12
Бонифаций VIII	12
Бенедикт XI и инжир	13
Климент V	13
Дело Бонифация	14
IV. НАЧАЛО ПРОЦЕССА ТАМПЛИЕРОВ	15
Предложение об объединении	15
Жак де Моле	16
Встреча в Пуатье	16
Предосторожности	17
V. ПРОЦЕСС ИНКВИЗИЦИИ	17
Приказы короля	18
Вмешательство инквизитора	18
Первые признания	19
Пытки	19
Протест Папы	19
Признания Жака де Моле	20
Признания других высших сановников ордена	20
Итог	21
Реакция Папы	21
Расследования за рубежом	21
VI. РЕАКЦИЯ ПАПЫ	22
Колебания	22
Генеральные Штаты	23
Консистория	23
Папское расследование	24
Решение Папы	24
Допрос высших сановников ордена	25
Булла 1308 г.	25
Последствия	27
VII. РАССЛЕДОВАНИЕ КОМИССИИ	27
Общие впечатления	27
Первый допрос великого магистра	28
Второй и третий допрос великого магистра	28
Допрос других высших руководителей	29

Другие свидетели	29
Вопросник.....	29
Расследование до 10 мая	30
Совет в Париже	30
Крах	31
Завершение работы	31
VIII. КЛЮЧЕВЫЕ ОБВИНЕНИЯ	31
1. Принудительная содомия	32
2. Непристойные поцелуи	33
3. Пропуск слов в молитве	34
4. Идолопоклонство	34
IX. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ХРИСТА	37
Свидетельства	37
Форма и природа ритуала	38
Ритуал и исповедь	40
X. СТРАННАЯ ЕРЕСЬ	41
Герметизм	43
Катары.....	44
Манихейцы и гностики	45
Ислам.....	46
Ассасины-убийцы	47
Доктрина всеобщего братства	48
Политические амбиции	50
Параллельная иерархия и секретные уставы	51
Ускользающая правда	53
XI. КОНЕЦ ДЕЛА	54
Церковный Собор	54
Роспуск.....	55
Судьба людей	56
Последний, кровавый акт	57
Последние актеры	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
ПРИЛОЖЕНИЯ	59
Список великих магистров ордена Храма	59
Вольные каменщики и тамплиеры	60
Сокровища тамплиеров	61
Тамплиеры и художественный вымысел.....	62
1) Папа нового Храма	63
2) Романы о деле тамплиеров	65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я ни в коей мере не являюсь специалистом по тамплиерам. Мои личные исследования, которые были посвящены Данте или катарам, близки к этому знаменитому делу, но, в общем, не касались его. Однако, мне совсем не чужда атмосфера это - го века и я заинтересовался, как почти всякий, эт им загадочным процессом. Именно поэтому я, в принципе, не отказался написать предисловие к работе господина Ги Фо.

Теперь я прочитал ее и, прочитав, нахожу абсолютно достойной, чтобы порекомендовать всем тем, кто стремится узнать правду об этом процессе. О сновная заслуга господина Ги Фо в том, что он писал, не имея заранее сформировавшегося мнения. Человеку нашего столетия, совершенно не разделяющему предрассудков людей средневековья, было не просто это сделать. Безусловно, было бы гораздо удобнее ограничиться привычной риторикой против инквизиции и применения пыток. Но, прежде чем осуждать, надо все-таки понять. Ги Фо прекрасно понял, что если общество основывается на каком-нибудь догматизме, то сама логика его системы приводит к созданию трибуналов, которые могут называться как угодно, но целью которых будет преследование и наказание за отклонение от догмы. Что касается пыток, мы хорошо знаем теперь, в конце XX в., что за исключением короткого периода либерализма прошлого века, они практиковались и, по-прежнему, повсюду применяются. Вместо того, чтобы осуждать судебные процессы прошедших эпох, лучше бы мы интересовались нашими.

Значит ли это, что исследования Ги Фо полностью развеяли загадку тамплиеров? Мы увидим, что это было бы слишком сложно. Ги Фо не был бы хорошим историком, каким он является, если бы стремился объяснить все и если бы скрывал от нас свои собственные сомнения. Во всяком случае, в этой работе загадка определена безупречно точно. Самое серьезное обвинение, выдвинутое против рыцарей Храма — это отрицание Иисуса Христа и плевание на распятие. Этого было более чем достаточно для умов той эпохи, чтобы оправдать их приговор. К тому же, именно в этом тамплиеры многократно признавались и часто показания нельзя было объяснить пытками. По-прежнему остается открытым вопрос: почему в ордене ввели подобный обычай, и на данный момент этот вопрос остается не разрешимым. Одной из самых интересных глав этой книги является та, в которой Ги Фо описывает все попытки объяснить эту традицию, предпринятые до настоящего времени.

Примечательно, что судьи тамплиеров не интересовались глубже происхождением и значением этого святотатства. Я думаю, если мы хотим понять, надо принимать во внимание особый характер церковных трибуналов: им достаточно было констатировать преступление, объяснять его не входит в их задачу. Здесь мы имеем дело не с психологами или социологами, стремящимися понять, как люди могли дойти до внешне не объяснимых извращений. Голого факта для них достаточно. Возможно, Ги Фо забывает, что в начале XIV в. в дьявола верили как в самого Господа Бога. Судей не должно было удивить, что орден Храма пал жертвой дьявольских уловок, и даже не нужно было выражать эту мысль, настолько естественно она приходила на ум.

Но это не единственный факт, который удивляет. Поражает, что столь влиятельный орден мог управляться человеком столь посредственным во всех отношениях как Жак де Моле. Странно также, что о скандальных обрядах, в которых так легко признались на процессе, не стало известно вне ордена Храма гораздо раньше, и как следствие, об этом не было донесено. Посредственность де Моле могла бы заставить поверить в существование тайной иерархии, даже если это не может быть доказано. Что касается постоянной снисходительности, с которой светские и религиозные

власти относились к тамплиерам, она, возможно, объясняется той ролью, которую тамплиеры продолжали играть на заморских территориях до 1291 г.

Не надо требовать от Ги Фо больше того, что ОН сам хотел сделать. Он не пытался изменить место процесса тамплиеров в рамках общей истории. Автор не задавался серьезно вопросом (хотя и намекает на это), не стал ли этот процесс частью строительства современного государства, к чему стремились легисты* Филиппа Красивого. Ги Фо ограничился самим процессом и тем, как вели его Папа и король. И, в этом смысле, ему удалось прийти к заключениям, которые не кажутся неопровержимыми и опровергающими все маломальски романтические объяснения, на которых останавливались слишком часто даже серьезные историки. Одним словом, он расчистил площадку. И теперь, я пожелал бы, чтобы он расширил свой поиск и постарался сказать нам, что значило уничтожение ордена Храма в эпоху особенно тяжелого кризиса всего христианства.

Эта книга весьма поможет всем тем, кто стремится узнать историю и вынести свое здравое суждение об одном из самых спорных событий прошлого. Загадка, чем же в действительности являлся Храм, по-прежнему, остается. Но чтобы ее разгадать, безусловно, надо было бы заняться исследованием всего европейского общества конца XIII — начала XIV в. Это не входило в планы Ги Фо. Удовлетворимся на сегодня его очень полезной небольшой книгой и поздравим с тем, что он ее написал.

Жак Мадоль

* Легисты - знатоки гражданского права, получившие образование в университетах Тулузы, Монпелье, Орлеана. С эпохи правления французского короля Филиппа IV Красивого (1285-1314 гг.) занимали важное место в Королевском совете и системе центрального управления. (Примеч, ред.)

Чуть более 650 лет тому назад, 13 марта 1314 г., Великий магистр ордена тамплиеров, Жак де Моле был сожжен в Париже. В течение 650 лет дело тамплиеров продолжает вызывать углубленные споры и разжигать страсти.

Можно понять чувства современников этого долгого процесса: религиозный орден, один из самых известных и самый блестящий, в полном составе обвинен в ереси в период господства церкви и веры, — надо ли удивляться, что общественное мнение, было потрясено этим! Но, казалось, со временем, страсти должны были бы утихнуть — нигуть не бывало. Пригина подобного резонанса заключалась в том, что дело тамплиеров использовалось в различных целях. Одни использовали его как аргумент, как всегда огонь объективный, в борьбе с церковью. Франкмасоны XVII в., считавшие себя духовными преемниками тамплиеров, способствовали прославлению мугеников Храма. И, наконец, сегодня, вокруг легенды о тамплиерах, витает некая атмосфера оккультизма, которая способствует искажению представлений о них.

Очистить дело тамплиеров от домыслов, которые прибавились к нему в течение веков, не простая задача. Но именно это я и постараюсь сделать, взяв в руки документы по делу такими, какими они предстали перед глазами современников. Вновь воссоздать судебное расследование по подлинным документам и непредвзято — вот, что, кажется мне правильным методом, который поможет попытаться разобраться в поставленной задаче.

I. ПРОБЛЕМА

Были ли виноваты тамплиеры? Это, достаточно распространенное мнение, среди тех, кто не так близок к вопросу. Достаточно, впрочем, открыть учебники истории, в которых вы найдете искомый тезис: злой французский король Филипп Красивый, нуждаясь в деньгах, при соучастии Папы Климента V, проявившего слабость или подкупленного, приказал сжечь тамплиеров, чтобы завладеть их имуществом. Таким образом, тамплиеры представлены невинными жертвами козней, затеянных только лишь из алчности.

Однако, из всех существующих, это объяснение является самым невероятным. В этом случае должен был бы существовать преступный сговор, не только между королем и Папой, что все же требует доказательств, но также и четырьмя кардиналами, двумя архиепископами, многочисленными епископами и подавляющим большинством французского духовенства, включая инквизитора Франции. Помимо всего, неизбежно потребовалось бы соучастие части английского и немецкого духовенства, которое получило те же признания. Это слишком много соучастников: все эти видные деятели были, все-таки, людьми верующими и, прежде чем допустить их соучастие в столь великом преступлении, совершенном над людьми церкви, надо стараться быть очень осторожными в суждениях и тщательно изучать доказательства.

Но как составить собственное мнение, пользуясь многочисленными изданиями, посвященными этой теме в течение многих веков? Единственный метод показался мне разумным: совершенно забыть обо всем, что было написано и вернуться к самому истоку дела и перечитать документы процесса. Однако, это исследование таит немало сюрпризов, большинство историков, исходя из задач своих диссертаций, скрывают эти основные документы и искажают хронологию! Они все говорят о признаниях, полученных под пытками, но охотно забывают многочисленные признания, которые появились на допросах, на которых обвиняемым давали полную гарантию безопасности и непредвзятости; они забывают о долгих колебаниях Папы, а затем и о тех мотивах, которыми он объяснил свои решения.

Я подумал, что необходимо свежим взглядом посмотреть вновь на документы, без предвзятого мнения и, особенно, расположить их в хронологическом порядке. Метод надежный и достаточно простой, так как за исключением нескольких второстепенных материалов, мы обладаем всеми документами по делу, которые были изданы Мишле.

Таким, немного скучным способом, становится возможным составить мнение, свободное от всех предвзятых гипотез. Были тамплиеры виновны или невиновны мне безразлично: априори, я не старался ни смыть позор с высших должностных лиц ордена, ни оправдать поступки короля и Папы. Прежде всего, история учит нас, что преступные монархи и Папы существовали; но это не является достаточной причиной, чтобы предполагать, что Филипп Красивый и Климент V являлись таковыми.

Прежде всего, я хочу попытаться понять. Однако, как только речь идет о какой-нибудь проблеме, касающейся Средних веков, нам очень сложно понять психологию людей того времени. По духу мы гораздо ближе грекам и римлянам, чем люди XIV в. Больше всего нам мешает не столько наше незнание, сколько избыток знаний. Как писал Анатолий Франс по поводу языка может заставить улыбнуться людей XX в., но если мы допустим, что король имел предубеждение, основанное на искренней вере, верите ли вы, что он мог выражаться иначе?

И что же, — спросите вы — весь орден был заражен ересью? Как же люди Церкви, которые должны были бы бояться адских наказаний, согласились оклеветать себя и осмелились признаться в этом публично? Замечание, безусловно, способное ввести в замешательство. И, все-таки, признания существуют: я оставляю в своей книге только те, которые были сделаны добровольно, без угроз и не под пытками. Если мы хотим считать, что эти признания не соответствуют правде, то необходимо объяснить, в каком странном помутнении рассудка сотни людей исповедовались в тех же грехах в течение семи лет.

Можно сказать, что они пытались спасти свою жизнь. Каким же странным орденом являлось это объединение монахов-солдат, если страх смерти мог заставить их, почти всех, оклеветать самих себя и признаться в самых худших преступлениях. И при этом, у них не было мужества защитить себя, пока они были свободны, и им даже предлагали это сделать, сказав: даже под угрозой смерти я утверждаю, что все это неправда? Кто этот великий магистр, который из трусости позволил обвинить и приговорить своих братьев, не только не защитив их, но путая и деморализуя их своими собственными признаниями? Конечно, Жак де Моле, в конце концов, издаст тот вопль, которого ждали так долго, предпочтя взойти на костер за это запоздалое свидетельство. Надо объяснить семь лет признаний и молчания человека, которого не подвергали пыткам.

И, наконец, верим ли мы, что Папа согласился бы пожертвовать с легким сердцем могущественным орденом, который подчинялся только ему? Ведь Климент V, хотя и не соглашался склониться перед фактами и долго считал чудовищной клеветой обвинения, выдвинутые против тамплиеров, в конце концов, был убежден в их виновности и подписал приговор. Он вовсе не проявил слабости перед королем Франции и долго ему сопротивлялся. В тот момент, когда он подписал обвинения, ему не в чем было больше сомневаться. Прежде, чем мы попытаемся обвинить Папу в соучастии, надо внимательно исследовать его поведение во время процесса.

Следовательно, дело не такое простое, как это пытаются представить авторы учебников или посмертные защитники тамплиеров.

Безусловно, я не настолько наивен, чтобы считать, что все процессы инквизиции велись единственно из-за религиозного рвения. Обвинения, сопровождающиеся конфискацией имущества, возможно, являются подлинным мотивом многих преследований, или, как минимум, способствуют подогреванию рвения обвинителей. Став основной движущей силой крестового похода на Лангедок, конфискация широко практиковалась судами инквизиции: так, только конфискация может объяснить причину посмертных процессов, тех, что были начаты в Каркассоне против некоего Кастеля Фора, умершего двадцать два года тому назад. Но не надо впадать и в другую крайность, полагая, что все инквизиторы руководствовались одной лишь алчностью — отметим только, что усердие, должно быть, возрастало, когда выгода совпадала с защитой веры.

То же самое было и с тамплиерами. Зависть, которую вызывало их богатство, торговое соперничество с итальянскими банкирами могло создать вокруг дела далекий от душеспасительности душок сообщничества и клеветы. Процесс над храмовниками, прежде всего, остается процессом чисто религиозным, делом о ереси, и невозможно, чтобы в течение семи лет высшие власти церкви занимались фальсификацией такого размаха, движимые только жадной наживы.

Те же наблюдения можно сделать и о политических аспектах этого дела. Филипп Красивый, поддерживаемый своими легистами, является создателем абсолютной монархии и, безусловно, ему было тяжело мириться в своем королевстве с присутствием и влиянием могущественного ордена, подчиняющегося одному только Папе, — то есть чужеземной силе. Гильом Ногаре, чье влияние просматривается в позиции короля, часто использовал этот аргумент и побуждал Филиппа воспользоваться обстоятельствами, чтобы упразднить орден Храма, чьему руководству пришла неудачная идея обосноваться во Франции после отступления с Востока. Но есть большая разница между попыткой воспользоваться хорошим поводом и искусственным созданием такого повода. Ничто не может заставить приписать христианскому государю такой макиавеллизм; и, особенно, ничто не позволяет допустить, что Папа и высшее духовенство поддались бы этому.

Тамплиеры были обвинены как еретики. Основой этого процесса является обвинение в ереси и главной задачей данной книги является необходимость узнать, была ли она доказана. Все остальное, пусть это и немаловажно, остается вторичным. Однако удивительно, что историки часто и ропс считали тамплиеров невиновными, в области веры. С нашей точки зрения, такое преступление не может оправдать казни. Но это рассуждение людей XX в., пропитанное терпимостью, которая была совершенно чужда людям той эпохи. Чтобы воссоздать процесс тамплиеров, необходимо перенести себя в обстановку Средних веков, погрузиться в ментальность эпохи, когда оскорбление распятия или просвиры считалось более страшным преступлением, чем убийство человека.

II. ОРДЕН ХРАМА ДО НАЧАЛА ПРОЦЕССА

Чтобы составить ясное представление о том, чем являлся орден Храма, против которого вдруг были выдвинуты самые тяжелые обвинения и сформировано о нем мнение, необходимо напомнить, прежде чем открыть материалы дела, при каких обстоятельствах разразился скандал.

Перемены

В начале XIV в. Храм больше не являлся тем идеальным мистическим рыцарским орденом, который прославлял св. Бернар Клервоский два века тому назад. Необходимо констатировать, что ОН удивительно изменился. Главную причину этого следует искать в его богатстве: именно деньги портят самые благородные намерения.

Богатство

Орден Храма стал главной финансовой организацией того времени.

Безусловно, правило установленное св. Бернаром сохранилось: ни один храмовник не мог обладать личным имуществом. Великий магистр Арно де ла Тур Руж гордо ответил мусульманам, которые требовали с него выкуп: «Тамплиер может отдать в счет выкупа

только свой пояс и свой кинжал». Это оставалось правдой: но если отдельные члены хранили обет бедности, то сам орден стал чрезмерно богатым.

Ему приписывают десять тысяч замков, его движимое имущество было оценено в 112 миллиардов франков. Допустим это некоторое преувеличение, и все -таки в эпоху бедности орден накопил огромное богатство, но использовать его было не на что.

Существовало четыре основных источника этого богатства:

а) дары, собранные в течение двух веков: орден жил за счет своих средств и тратил мало, но дары получал в большом количестве;

б) военные трофеи: так как монахи — воины ордена, как и все их современники, принимали участие в грабежах: к тому же папская булла 1139 г. недвусмысленно их разрешила;

в) дары паломников: во все времена паломничество было прибыльным делом;

г) и, наконец, банковские операции: пользуясь своей независимостью, престижем и тем, что для него не существовало границ, орден создал целую финансовую организацию, которая вызывает восхищение современных экономистов. Именно тамплиеры придумали вексель на предъявителя, чек и все виды кредита. Ему доверяли огромные вклады, через его посредничество оплачивали приобретения за границей. Эта банковская организация должна была быть оправдана какой-либо целью, если уж она так преуспела. Безусловно, орден имел с каждой операции посреднический процент или взнос. Можно при этом задаться вопросом, в этом ли состоит роль религиозного ордена, основанного для защиты паломников в Палестине.

Орден перестал быть необходимым

О какой пользе ордена, не игравшего больше никакой роли, можно говорить.

С: тех пор как Саладин снова захватил Иерусалим в 1187 г., христианское королевство в Палестине сократилось до маленькой полоски земли вокруг города Акры. Этот последний бастион пал в 1291 г.: однако, тамплиеры там героически и многие погибли. Но больше нет королевства в Палестине, нет паломников, которых надо было защищать: орден больше не служит ничему.

При этом он продолжает существовать: была переведена во Францию «штаб -квартира» и сохранены семь западных провинций (Франция, Англия, Пуат у, Арагон, Португалия, Венгрия, Апу-лия). Храмовники еще более погрузились в свои финансовые операции, поскольку им больше нечем было заниматься. Они сохранили свои привилегии, дарованные папами, не подвергаясь больше никакому риску.

При этом привилегии ордена были значительны: являясь независимым от какой-либо земной власти, он отчитывался только перед Папой (который находился далеко). Булла «Omne datum optimum» папы Иннокентия II 1139 г. освободила орден от церковной десятины и даже позволила собирать ее в свою пользу. Эти привилегии, оправданные в начале услугами, которых ждали от тамплиеров, продолжили существовать без какой-либо отдачи. Стоит ли удивляться, что им завидовали.

Плохая репутация

Является достоверным фактом, что орден тамплиеров имел плохую репутацию.

Народ ставил ему в упрек не только его богатство, но и жизнь, недостойную монахов. Выражение «пить как тамплиер» вошло в поговорку. Безусловно, это привычный средневековый сюжет — подшучивать над чревоугодием и пьянством монахов; но, так как тамплиеры были больше солдатами, чем монахами, и как солдаты освобождены от некоторых обетов, они пользовались без ограничения преимуществами материального существования. Шептались также, что их нравы совсем не всегда соответствовали обету абсолютного безбрачия, который символизировали их «белые плащи», а маленьким мальчикам советовали остерегаться поцелуев тамплиеров (так как если устав запрещает им целовать женщину, будь то собственная мать или сестра, он не запрещает целовать детей).

Возможно, все это только нагромождение Сплетен. Но, правдивая или лживая, эта дурная репутация сыграет свою роль в ходе процесса, который сильно встревожит общественное Мнение.

Любопытно отметить к тому же, что писатели того времени не любили орден храмовников. Современные историки стараются его реабилитировать, но знают ли они больше чем Вильгельм Тирский или Жуанвиль, которые его откровенно не любили?

Конфликты

Хорошо известно, что тамплиеры, ведя в Палестине игру соответствующую их интересам, часто были вынуждены договариваться с мусульманами. Если они не сражались друг с другом, то обменивались любезностями и взаимными услугами. Многие посчитали, что это было во вред делу христианства. Приводят слова графа Артуа: «Если бы тамплиеры хотели этого, Святая Земля давно была бы завоевана». Об этом можно поспорить: чтобы удержаться со столь слабыми силами во враждебной стране тамплиеры должны были вступать в переговоры, и они были в положении, позволяющем лучше судить о допустимых средствах, чем крестоносцы, приезжавшие в Палестину со своими иллюзиями и незнанием ситуации. Но, ведя свою игру, орден тамплиеров вступил в конфликт со всеми представителями власти: с королями Иерусалима, духовенством, крестоносцами. В 1198 г. он начал открытую войну за феодальные владения с конкурирующим орденом госпитальеров, и Папа был вынужден напомнить обоим орденам о христианских чувствах.

Орден Храма откажет в помощи императору Фридриху II, который хотя и был отлучен от церкви, но все же добился того, на что больше никто не надеялся: возвращение Иерусалима.

Тамплиеры отвергают этот подарок, так как их резиденция не вошла в возвращенную территорию. Но, прежде всего, тамплиеры вступили в конфликт с королем Людовиком IX. Они отказались внести вклад в выкуп за него, когда святой король был в плену и Жуанвиль рассказывает, как пришлось их принуждать. Позже, Святой Людовик унижает великого магистра Рено де Вишье, заставив его встать перед собой на колени и просить прощения. Возможно, о жестоких нападениях Фридриха II на орден Храма забыли, так как император, в конце концов, стал врагом церкви; но не забудут унижение, которое святой король, чей престиж остается значительным, нанес ненавистному ордену.

Основные упреки

Но есть и более серьезные факты, орден обвиняют и в других злодеяниях.

1) Прежде всего, вспоминают, что при взятии Иерусалима в 1187 г., Саладин сохранил жизнь населению города, позволив даже выкупить свободу гражданами по цене 10 золотых монет за мужчину, 5 за женщину и 2 за ребенка. Только богатые смогли выкупиться, но, в связи с нехваткой финансовых средств, большая часть людей пошла в рабство: тамплиеры отказались за них выкуп, хотя и смогли спасти свои богатства. Таким образом, орден, который был создан для защиты христиан на Святой Земле, позволил увести в рабство 16000 верующих, в том числе женщин и детей, не дав ни монеты за их освобождение! Конечно, великий магистр Жирар де Рид-фор сам был в плену, и, теоретически, братья не могли распоряжаться казной без его согласия: но есть обстоятельства, в которых необходимо уметь поступать наперекор правилам.

2) Тамплиерам ставят в упрек утрату христианского королевства в Палестине. Безусловно, они не одни несут ответственность за распри, которые привели к его падению;

но задачей ордена была защита королевства, и после его гибели, только этот факт и остался значимым для общественного мнения.

3) В 1199 г. разразился скандал: епископ Тивериады оставил на хранение ордену тамплиеров, как это часто практиковалось тогда, 1300 безан -тов золота. По неизвестной причине орден отказывался вернуть этот вклад и епископ Сидона даже предал анафеме всех тамплиеров. Тем самым он превысил свои права, так как орден Храма подчинялся только Папе. Иннокентий III снял отлучение от церкви и даже отстранил епископа Сидона за «глупость» (история молчит, заставил ли он при этом храмовников вернуть золото). Но можно представить, какое впечатление произвел тот конфликт.

Папа Иннокентий III, вероятно, был не так простодушен, как это может показаться. Возможно, он и называл тамплиеров своими избранными (сынами (*dilecti filii*) и подтвердил их привилегии. Но он же писал: «Преступления твоих братьев нас чрезвычайно огорчают из-за скандала, который они породили в Церкви. Рыцари Храма исповедуют дьявольские доктрины, их одежды чистотой лицемерие».

4) В 1263 г., по довольно таинственной причине. Папа Урбан IV отлучил от церкви маршала ордена Храма Этьена де Сиссея, протеже великого магистра Тома Берара. По свидетельству хрониста Жерара де Монреаля речь, на этот раз, шла женщине. Следующий Папа, Климент IV, снял отлучение, считая достаточным, что маршал был лишен своего звания. Но, делая это, он плохо отзывался обо всем ордене, судя по тому, что он писал: «Пусть тамплиеры поостерегутся испытывать мое терпение, чтобы Церкви не пришлось пристально заниматься некоторыми вещами, к которым, до сегодняшнего дня, относились слишком снисходительно, поскольку прощения больше не будет». Действительно жаль, что мы не слишком осведомлены об этом деле, на которое Климент IV согласился закрыть глаза.

5) В заключение, надо сказать, что под конец что-то не так шло в делах ордена, так как многочисленные тамплиеры покидали или хотели его покинуть. Во время допроса, на своем смертном одре 13 апреля 1310 г., брат Жан де Сен-Бенуа скажет: «Да, многие покинули орден; не из-за его непристойности и его прегрешений, но скорее из-за них самих! Конечно, я не мог не знать, что в ордене возникали крупные скандалы, и слух о них дошел до влиятельных людей и до народа, но больше я об этом ничего не знаю». Многие другие признают, что они тоже охотно бы ушли, если бы их не удерживала клятва или страх преследований. Жан Англичанин, например, уточнил: «Пятьсот и более человек сделали бы это до ареста, если бы не боялись ордена».

Мы видим, что Филипп Красивый, отнюдь не первым заподозрил орден в утрате его чистоты.

Мнение Филиппа Красивого

Любопытно, но этот король, как раз наоборот, долго был благосклонен к ордену тамплиеров. Именно им он доверил хранение королевской казны и в 1304 г., еще за три года до начала следствия, он писал:

«Дела милосердия и благочестия, щедрые дары, раз даваемые по всему миру и во все времена, святым орденом Храма ... убеждают нас даровать пашу благосклонность ордену и его рыцарям ... и снабдить их знаками особой милости к ордену и его рыцарям, к которым мы испытываем искреннее расположение».

Пикантная деталь: Жак де Моле был крестным отцом сына короля, несмотря на правило, запрещавшее любому тамплиеру становиться крестным. Этот факт свидетельствует о сердечных отношениях между ними.

В 1306 г., когда народ Парижа восстал из-за роста цен, король будет скрываться во время бунта именно в резиденции ордена Храма.

Стоит ли, однако, обвинять Филиппа Красимого в двурушничестве? Безусловно, нет. Этот король гораздо лучше, чем легенда о нем. Он оставил в истории воспоминание о себе, как о фальшивомонетчике, так как финансовые сложности заставили его прибегнуть к тому, что сегодня мы называем «девальвацией»; ныне этот процесс нельзя назвать бесчестием для руководителя государства. К тому же это был очень благочестивый человек. Без сомнения властный, что доказывает его конфликт с Папой Бонифацием VIII, абсолютно уверенный в божественном происхождении своей власти и своей миссии; и, как свидетельствуют все современники, очень набожный, богомольный, чрезвычайно преданный защите веры.

О нем писали: «Его нетерпимость свидетельствует о его ортодоксальности», что всегда, как это ни грустно, является правдой.

Филипп Красивый, свергнув Бонифация VIII, обрушился на орден Храма именно потому, что искренне верил, что сражается с еретиками в обоих этих случаях. Прав ли он был в этом? Что касается тамплиеров, именно это и является объектом нашего исследования.

Но, прежде, необходимо коротко напомнить о предыдущем конфликте, так как историки стараются связать его с делом тамплиеров.

III. ДЕЛО БОНИФАЦИЯ И ПРОЦЕСС ТАМПЛИЕРОВ

В конце XIII в. дела в Риме шли довольно плохо: меж кардиналов царил раскол и было очень трудно избрать Папу.

Великое отречение

После смерти Николая IV в 1291 г. два года не могли собрать необходимого для избрания большинства. Устав от споров, кардиналы придумали и призвать святого отшельника, который был избран против его воли и взял имя Целестина V. Но из святых никогда не получалось хороших Пап: он показал себя совершенно не способным править, о чем свидетельствует и булла о его канонизации. Разве не пришлось ему в голову, по простодушию, раздавать бедным церковные богатства?

Это не могло долго продолжаться, Целестин это понял и отрекся. Имел ли он право покинуть папский престол? Современники спорили об этом и за это «великое отречение» Данте помещает несчастного Целестина в ад. Законность отречения, безусловно, приводила к необходимости выбрать преемника, которым стал Бонифаций VIII. Этот вопрос не был окончательно решен к моменту начала процесса тамплиеров.

Бонифаций VIII

Здесь не место напоминать, почему Бонифаций VIII тоже стал неприемлемой кандидатурой, но совсем по иной причине. Спесивый, властный, он вступил в борьбу со всем миром, начал преследовать кардиналов Колонна, грозился низложить короля Франции. Известно как отреагировал Филипп Красивый, приказав Ги льому де Ногаре схватить Папу в Ананьи при помощи кардиналов Колонна.

Но как католический государь осмелился поднять руку на Папу? Именно потому, что благочестие Бонифация сильно подвергалось сомнению: на соборании духовенства Франции 14 июня 1303 г. Папу объявили еретиком, и Ногаре пытался похитить его силой в

Ананьи, чтобы заставить предстать перед церковным собором. Несчастный Бонифаций умер от потрясения, но, тем не менее, он оставался под подозрением в ереси.

Папа — еретик, возможно ли это? Однако, в это верили, и Бонифаций сам допустил такую возможность, уточнив, что Папа может быть низложен, если будет признан еретиком: то есть он сам противоречил догмату непогрешимости. Тезис обернулся против автора. Доказывали, что Папа не верит в бессмертие души, что, возможно, было клеветой. Но, если Господь допустил такое заблуждение, это, безусловно, потому, что выборы Бонифация были недействительны.

Итак, церковь разделилась на два лагеря: для одних Бонифаций, законно избранный, не был еретиком, и Ногаре (а вместе с ним и Филипп Красивый), занесший на него руку, являлся виновным в преступлении против Святого престола; для других, Ногаре счастливо избавил церковь от Папы — еретика, к тому же неправильно избранного.

Бенедикт XI и инжир

Итак, конклав разделился на сторонников процесса против Ногаре и короля Франции и сторонников процесса о ереси против покойного Папы. Конклав решил, что нашел человека, способного примирить стороны, в лице Бенедикта XI. Но, сразу после избрания, Папа показал себя ожесточенным врагом Ногаре и кардиналов Колонна.⁴⁶

Обстоятельства могли обернуться против Филиппа Красивого.

Но небеса, без сомнения, были другого мнения, так как новый Папа неожиданно почил, объевшись инжиром. Как не увидеть в этом божественное провидение? Ногаре спешил праздновать триумф: «Господь, более могущественный, чем все властители церковные и мирские, поразил государя Бенедикта так, что теперь у него нет возможности осудить меня». Вопрос, были ли плоды отравлены, никогда не был выяснен: иногда кончина бывает внезапной, которая, несмотря на это, является естественной, даже если она кажется насильственной. Но эта смерть, положив конец всем французским делам (и делам кардиналов Колонна), оставляла незавершенным судебный процесс о приверженности вере или ереси Бонифация.

Новый папа должен был бы положить конец этому серьезному конфликту.

Климент V

Надо думать, что Святой Дух был настроен против Бонифация (с тех пор он изменил свое мнение), так как выбор конклава пал на француза Бертрана де Го, епископа Бордо, который, к тому же, не заседал в конклаве.

Бертран де Го, принявший имя Климента V, отличился тем, что в 1303 г. отказался поддержать обвинение против Бонифация. Можно подумать, что он был настроен враждебно к Ногаре и Филиппу Красивому. Но это был дипломат и вовсе не борец. Он прекрасно понял, сколь опасно для церкви было бы объявить Папу еретиком, даже после его смерти: все его усилия будут направлены на затягивание посмертного процесса, — это позволяет думать, что он имел некоторые сомнения в его исходе.

Одновременно, он старался, угождая королю Франции, умерить его рвение. Он старался тянуть время: он выиграл пять лет. Можно догадаться, в какое смятение его повергло дело тамплиеров, разразившееся в самый разгар этого кризиса! Положение Папы стало тем более затруднительным, он не мог даже отправиться в Рим, где заговорщики развязали гражданскую войну. А может быть, он тоже боялся инжира? Итак, он остался во Франции, чтобы урегулировать свои проблемы и, в конце концов, обосновался в Авиньоне.

Дело Бонифация

Имело ли оно влияние на дело тамплиеров? Говорили, что Климент V, под давлением короля, пожертвовал орденом Храма, чтобы спасти память о своем предшественнике: это замысловатое объяснение опровергается хронологией.

В действительности дело Бонифация было улажено, и довольно ловко, в 1310 г. (булла «Rex glorie», от 27 апреля 1311 г. узаконила и официально признала предшествующее соглашение, которого добились с большим трудом). Филипп Красивый был признан невиновным в покушении на Папу в Ананьи; Ногаре, признанный виновным в принципе, получал папское прощение. Неприемлемые буллы Бонифация VIII были аннулированы, и покойному Папе было поставлено в упрек его «упрямство», но с него было снято всякое подозрение в ереси. Климент V нашел очень удачный выход из положения, канонизировав Целестина V: таким образом, он признал законность его отречения, а следовательно и законность выборов Бонифация. Таким образом, все было приведено в порядок до того, как комиссия, которая вела следствие по делу ордену тамплиеров, закончила свою работу. Обосновавшись в Авиньоне, который в те времена не принадлежал Франции, Папа развязал себе руки перед открытием церковного собора в Вьенне, в октябре 1311 г. Когда, 3 апреля 1312 г., он объявил о роспуске ордена тамплиеров, Бонифаций уже год как был официально реабилитирован. Таким образом, трудно допустить связь между этими двумя делами, разве что в обоих случаях Папа, чтобы успокоить страсти, использовал один и тот же метод затягивания времени, прежде чем объявить свое решение.

Однако напрашиваются сравнения. Если, не колеблясь, Папу обвиняют в ереси, неудивительно, что религиозный орден может подпасть под то же подозрение. Вопросы догмы были необычайно важны в ту пору: несмотря на недавний кровавый крестовый поход в Лангедок, катары продолжали существовать. К тому же, в обоих процессах, Филипп Красивый предстает ревнителем веры; король волей божьей, он считал себя естественным защитником церкви и полагал, что на него возложена особая миссия. «Мы поставлены Господом нашим на королевский престол, чтобы следить и защищать свободу веры Церкви и, среди всех желаний нашего разума, должны радеть об укреплении католической религии», — заявит он в приказе об аресте тамплиеров.

В этой божественной миссии хранителя подлинной веры короля поддерживали его легионы, заботившиеся о том, чтобы придать абсолютной монархии священный характер: королевский абсолютизм не может иметь границ, так как является божественным правом, и это основание даже обязывает короля (как об этом напомним Людовику XIV) использовать всю свою власть в деле искоренения ереси. И, в случае необходимости, король должен был заменить Папу, если тот казался нерешительным и равнодушным. Что, без колебания, и будет провозглашено на заседании Генеральных Штатов в Туре, 29 мая 1308 г., с достаточно ясной угрозой Клименту V; если бы он не выполнил своего долга, его могла бы постигнуть судьба, аналогичная участи Бонифация VIII.

Забавно заметить среди этих легистов, претендующих быть большими католиками чем сам Папа, во время обоих процессов того же Гильома де Ногаре, отчасти подозреваемого в том, что был «сыном катара», и стремящегося смыть с себя это досадное подозрение. Безусловно, в посмертном процессе над Бонифацием он защищал свои личные интересы, в то время как в деле тамплиеров он, кажется, не имел такой же заинтересованности; может быть поэтому его действия более скрытны, но мы находим следы его рвения. В объявлении о созыве Генеральных Штатов в Туре присутствует такое выражение: «Все должно восстать против этой столь преступной заразы: законы и оружие, жи вотные и четыре стихии». Этот оборот, хотя и написан от имени короля, уже фигурировал в речи де Ногаре, произнесенной в Лувре 12 марта 1303 г. против Бонифация: влияние очевидно. Ногаре выступит лично перед следственной комиссией в Сансе 28 ноября 1309 г. во время второго допроса Жака де Моле.

Итак, в обоих случаях, мы видим как Климент V, находящийся под давлением короля и общественного мнения, обвинявших его в медлительности и безразличии, еще раз демонстрирует то же терпение, использует те же методы затягивания времени в поисках компромиссного решения, стараясь избежать взрыва и скандала. Но — важное отличие, — в то время как Климент V спас память о Бонифации, он, в конце концов, совершенно не двусмысленно приговорил тамплиеров. Значит, мы должны спросить самих себя: а мог ли орден быть спасен?

IV. НАЧАЛО ПРОЦЕССА ТАМПЛИЕРОВ

Большой процесс о тамплиерах начался по весьма мелочному поводу: как в Туре напомним об этом Гильом де Плезиан, первыми доносчиками были «люди слишком низкого происхождения, чтобы дать ход столь большому делу», но Бог может воспользоваться самыми обездоленными людьми (и, добавим, самыми сомнительными).

В 1305 г. в тюрьме в Ажене, содержался тамплиер, совершивший некое преступление. Так как у него не было духовника, чтобы исповедаться, он перед смертью признался в преступлениях против веры и злодеяниях другому заключенному, горожанину из Безье, Эскену де Флуарак (или Эскиу де Флойрано), который, возможно, сам вышел из ордена. Придя в ужас от этих откровений, а, возможно, чтобы извлечь из этого выгоду, вышеуказанный Эскен де Флуарак поведал о них, мы не знаем почему, королю Хайме Арагонскому, который, не желая ввязываться в столь сложное дело, отослал доносчика к королю Франции, так как главная резиденция ордена находилась в этой стране.

Необходимо заметить, что разоблачения этого сомнительного субъекта послужат канвой всему процессу: с самого начала, в этих разоблачениях мы находим те же основные жалобы, которые будут приведены в ордере на арест и во время всего следствия.

Филипп Красивый: впал ли он в ярость сразу или обрадовался возможности извлечь из доноса неожиданную выгоду? Известно, что он заставил начать официальное расследование в Корбее. Было не сложно найти братьев, покинувших орден тамплиеров, и даже тех, кто был исключен за их безнравственное поведение, возможно готовых выполнить прямые указания короля. В любом случае, разоблачения Флуарака были подтверждены, так как с этого момента король, кажется, принял решение.

В ноябре 1305 г. Филипп Красивый присутствовал в Лионе на посвящении Бертрана де Го в папский сан: возможно, он сообщил ему о своих открытиях, но мы не знаем, что именно он ему сказал.

Предложение об объединении

Климент V тут же попытался остановить досадное развитие этого процесса. Используя идею, ранее сформулированную своими предшественниками, в частности Григорием X, на церковном соборе в Лионе, он предложил Жаку де Моле проект слияния его ордена с орденом госпитальеров. Этот проект был оправдан, так как орден тамплиеров больше не имел никакого основания для существования.

Моле отказался, и его ответ, как и все иные, которые он будет давать впоследствии, кажется посредственным и запутанным: он напоминает о разнице двух уставов и уважении к данным обетам. Его основной аргумент низменно материален: два объединенных ордена соберут меньше пожертвований, чем порознь и, таким образом, смогут сделать меньше милостей. «Если ордены объединятся вместе, они не сделают столько же, сколько один делает в настоящее время». Парадоксально, он добавляет странную угрозу: «Если объединение состоится, орден станет таким сильным, таким могущественным, что он

сможет защитить и защитит свои права от кого угодно». Зачем отвергать проект, который дал бы ему подобную власть?

Очевидно, что великий магистр упустил тогда хорошую возможность; но, у нас нет основания думать, что он мог тогда почувствовать неотвратимость и степень опасности.

Жак де Моле

Пора задуматься, кем был Моле, на которого вскоре обрушится самая тяжелая ответственность и, который, как покажется всем, очевидно, не соответствовал своей роли. К сожалению, мы не много знаем о нем; задаются вопросом, как тамплиеры могли избрать руководителем столь ничтожного человека. Он являлся одним из тех, кто жил в Палестине, в отличие от многих новых братьев, которым Восток был не знаком; но не ведомо, участвовал ли он в сражениях. После избрания великим магистром, в 1295 г. он, кажется, считал своей основной миссией обеспечить возвращение ордена на Запад. Он ли выбрал Францию, будучи французом, а не Испанию или Португалию? Нам это не известно. В момент ареста ему было 64 года. Самое удивительное, что он сам предстанет перед комиссией как «бедный, неграмотный рыцарь». Безусловно, образование тогда было мало распространено, но избрать неграмотного человека для управления столь влиятельным орденом, — есть от чего прийти в сомнение, даже если Моле немного преувеличил свое невежество. Итак, необразованный, неловкий, не очень мужественный, — достаточно много недостатков для 22-го и последнего великого магистра ордена Храма.

Но кто может сказать, каким интригам он обязан своим избранием? Не все предыдущие выборы тоже были объяснимы: в 1256 г. был избран тот самый Тома Берар, которого сами тамплиеры называли «скверным магистром» и который, возможно, несет самую большую ответственность за отклонения в ордене.

Как бы то ни было, отказ от слияния с госпитальерами был принят на орденском совете: великий магистр не обладал абсолютной властью. Учитывая старинное соперничество, чтобы не сказать ненависть, которая поставила в противоборство два ордена, шансов, что предложение Папы будет принято, было мало, и не в характере Климента V было навязывать его своим авторитетом.

Встреча в Пуатье

Все так и осталось до весны 1307 г., когда Папа и король Франции встретились в Пуатье. Нам известно, что Филипп Красивый именно там рассказал Папе о разоблачениях, которые до такой степени потрясли Климента V, что побудили его начать собственное расследование.

24 августа Папа пишет королю: «Вы не забыли, что в Пуатье мы с Вами многократно говорили о тамплиерах. Мы не можем поверить в то, что было нам сказано по этому поводу, настолько это кажется невозможным. Однако мы вынуждены сомневаться и начать расследование с великим смятением в сердце».

Важное письмо, которое показывает, что Климент V начал колебаться. Не начал ли он вскоре торопить свое расследование, в то время как Жак де Моле, по крайней мере официально, как уточняет Папа, тоже его требовал? Но, по своему обычаю, он будет пытаться выиграть время и вскоре будет побежден.

Предосторожности

С этого момента тамплиеры не могли не знать, что попадут под следствие и, безусловно, предприняли некоторые предосторожности.

Брат Жеро де Кос уточнит в своих показаниях, что в этот момент магистр заставил изъять и сжечь экземпляры устава, хранившиеся у братьев. Не все это сделают, так как устав (по крайней мере официальный) дойдет до наших дней. Но это объясняет то, что архивы были спрятаны настолько хорошо, что никогда не были найдены. А было ли что-то, что надо было прятать тамплиерам?

Это также объясняет исчезновение казны, которую ищут и поныне. То, что было захвачено, далеко не соответствует богатству ордена, даже если его преувеличивали. Из списков конфискованного имущества, которые известны нам, хотя бы по Нормандии, следует, что орден обладал богатыми сельскохозяйственными угодьями. В имении возле Байе было захвачено 33 головы крупного рогатого скота, 100 баранов, сотня боровов и свиней, 28 коней, запасы зерновых. В этом поместье на сельскохозяйственных и животноводческих работах было занято 24 человека, а в церкви был найден всего один потир, возможно, не представляющий большой ценности, поскольку об этом не говорится. И ни единой монеты, что, безусловно, удивило комиссаров, которые записали: «Не было ни денег». Надо отметить, что бочки тоже были пусты.

Таким образом, тамплиеры были готовы к неприятностям и приняли некоторые меры предосторожности. Но, очевидно, они были далеки от того, чтобы предположить, что преследования последуют так скоро и будут столь серьезными; они должны были рассчитывать на затухание процесса и примирительную позицию Папы. Плохо они знали короля Франции.

Были ли удивлены тамплиеры своим арестом? Брат Жан де Вобелан, сержант епархии Суассона, признается комиссии, что был предупрежден об аресте «за три дня». Очевидно, он был не единственным, и было бы странно, если бы он не предупредил своих руководителей. Однако лишь немногие пытались скрыться.

V. ПРОЦЕСС ИНКВИЗИЦИИ

Видя колебания Папы, король решил действовать немедленно. Именно на королевском совете 14 сентября 1307 г. постановили арестовать тамплиеров. Только один человек попытался противостоять этому: архиепископ Нарбоннский, Жиль Асцелин, который предпочел отказаться от должности канцлера. Мы еще встретимся с ним, но вследствие этой отставки освободился очень важный пост, который будет отдан 23 сентября Гиль-ому де Ногаре.

Аресты, решение о которых было принято 14 сентября, начались только 13 октября: было бы удивительно, если бы ничего не стало известно в течение этого месяца.

Так как было необходимо подготовить эту операцию, король составил тайные инструкции таким образом, чтобы схватить тамплиеров в один день по всему королевству. Учитывая сложность сообщения, можно считать, что эта полицейская операция была проведена очень хорошо. На рассвете в пятницу 13 октября 1307 года все тамплиеры Франции были арестованы; нигде не было оказано сопротивления.

Из суеверия ли король выбрал пятницу 13-го числа? Об этом говорилось тогда, и это возможно так.

Приказы короля

Мы располагаем текстом секретных инструкций Филиппа Красивого, предписывающих разом арестовать всех тамплиеров и сразу же начать расследование в ожидании суда Церкви.

Король напоминает о своей миссии защитника веры и о тех преступлениях, в которых тамплиеры рьяно обвинялись. Вследствие этого он приказывает, чтобы все братья ордена после ареста держались в заточении и были допрошены в присутствии комиссаров инквизиции. Дознаватели «тщательно изучат правду, и если в этом будет необходимость, с помощью пытки». Это выражение может нас шокировать, но оно было принято во всех делах о ереси. Признания будут фиксировать письменно в присутствии свидетелей, с точки зрения формы — все очень традиционно.

Что было не обычно, так это список пунктов, по которым нужно было вести допросы: в них мы находим обвинения Флуарака и результаты неофициального расследования проведенного в Корбее. Четыре основных обвинения:

- а) во время вступления в орден каждый кандидат должен был трижды отречься от «пророка, то есть Господа нашего Иисуса Христа», и трижды плюнуть на крест;
- б) затем его освобождали от одежды, и тот кто его принимал «целовал его в копчик, ниже пояса, затем в пупок, затем в рот, а затем говорил ему, что если один из братьев ордена захочет переспать с ним плотски, он должен это вынести по уставу ордена»;
- в) каждый брат носил шнурок, который обвязывали «вокруг шеи идола, и мевшего форму мужской головы с большой бородой»; этой же голове поклонялись в капитулах провинций;
- г) наконец священники ордена «не причащают телом Господа нашего», что вызвало специальное расследование среди священников ордена.

Мы рассмотрим эти основные обвинения. Самое малое, что можно о них сказать, что они очень серьезны. К тому же дознаватели должны передать как можно быстрее «копию признаний тех, кто исповедуется в вышеназванных грехах или в принципе в отрицании Господа нашего Иисуса Христа». С этого момента понятно, что это станет основным пунктом следствия, неопровержимым доказательством ереси ордена.

Затем следует фраза, которая чрезвычайно возмутила историков и которая, тем не менее, является всего лишь оборотом стиля во всех процессах о ереси: «Они могут заслужить прощение, если признаются, вернувшись к вере святой Церкви; иначе, они будут приговорены к смерти». Ничто не позволяет здесь думать, что король имел в виду что-то иное, кроме защиты веры.

Вмешательство инквизитора

С 22 сентября главный инквизитор Франции Гильом Эмбер от своего имени, допросив нескольких тамплиеров, приказал начать расследование и разослал своим комиссарам аналогичные инструкции.

Много было споров о том, действовали ли король и инквизитор согласованно: нам кажется, что да, не только из-за согласованности дат, но и потому, что Филипп Красивый не мог начать преследование по вопросу веры без согласия компетентных церковных властей. Но из этого нельзя и заключить, что Гильом Эмбер действовал по приказу короля: обвинения были достаточно серьезными, чтобы вызвать беспокойство у обоих. Как бы то ни было, вмешательство инквизитора изменило саму природу дела: речь теперь шла не о светском правосудии, а о процессе инквизиции.

Первые признания

Почти все тамплиеры признались во всем, что хотели от них услышать. Но они признались под пыткой.

Это не шокировало современников: пытка широко использовалась как в процессах инквизиции, так и в гражданских. Единственное, что было необычно, это то, что ее применяли к монахам. С нашей точки зрения все эти признания не имеют ценности.

Пытки

Так как речь шла о людях, славившихся своим мужеством, вероятно, палачи прибегали к самым изощренным пыткам. Возможно, были большие различия в зависимости от места и по отношению к разным людям.

Некоторые из жертв расскажут позже, какие мучения они перенесли. Самое впечатляющее заявление — это рассказ Бернара дю Ге из епархии Альби: «Меня так много пытали, столько допрашивали и держали в огне, что мясо на моих пятках было целиком сожжено, и кости выпали чуть позже» (и он показывал две пяточные кости).

Брат Понсар де Жизи, приор Пейена: «Я прошел через это три раза... мне связали руки за спиной так сильно, что кровь текла из под ногтей. Меня положили на дно каменного мешка, где я пролежал порядка часа... если меня только снова станут пытать, я скажу все, что от меня захотят».

Брат Эймон де Барбон: «Меня трижды подвергли пытке, мне заливали воду в горло через воронку. Семь недель я сидел на хлебе и воде... мое тело страдает, а душа скорбит... я боюсь попасть туда снова. Целый год я терял рассудок от этих пыток».

И, наконец, деталь, которую описывает нам брат Жерар дю Пассаж из епархии Меца, она доказывает, что в XX в. мы не изобрели ничего нового: «Мне подвешивали гири к гениталиям и другим членам до тех пор, пока я не терял сознания».

Не надо думать, что такие методы были приняты повсеместно: большинство ограничивается тем, что сообщает, что они были посажены в заточение на хлеб и воду. Самым мучительным испытанием для них было одиночество. Они также жаловались на невозможность посещать церковную службу. Для подавляющего большинства страдания в основном были моральные.

Протест Папы

Удивленный такими быстрыми действиями, Папа, как только узнал об арестах и начале расследования во Франции, выразил протест Филиппу Краси вому:

«Пока мы были далеко от вас, вы простерли свою длань к людям и имуществу тамплиеров; вы даже посадили их в тюрьму и, что является верхом несчастья, вы их не отпустили. Судя по тому, что говорят, вы пошли дальше, прибавив к страданиям заточения другие страдания, которые из-за нашего целомудрия и чистоты Церкви мы полагаем необходимым сейчас обойти молчанием».

Можно восхититься этим застенчивым намеком: как будто бы Церковь сама никогда не применяла пыток!

Но заметим, что Папа протестовал в основном про тив формы: тамплиеры подчинялись только ему. Климент не утверждал, что верит в их невиновность. И, что еще любопытнее, Папа обращается только к королю, делая вид, что не знает о роли великого инквизитора. Наконец, чтобы исправить ситуацию, он объявляет, что посылает двух кардиналов, «дабы все это обернуть во славу Господа и римской Церкви».

Признания Жака де Моле

Тем временем Жак де Моле и трое других высших сановников ордена предстали перед Парижским университетом. Речь шла о втором лице в ордене Гуго де Пейро, досмотрщике Франции, Жоффруа де Шарне — командоре Нормандии и Жоффруа де Гонневиле, кондоре Аквитании и Пуату.

Никто из них, и это доказано, не подвергался пыткам. Однако признания де Моле были пагубными для ордена:

«Коварство врага рода человеческого... привело тамплиеров к столь слепому падению, что с давних пор те, кого принимали в орден, отрекались от Иисуса Христа, подвергая опасности свои души, плевали на крест, который им показывали и по этому же поводу совершали некоторые другие чудовищные вещи».

24 октября 1307 г. в присутствии самого инквизитора Франции великий магистр признался, что сам допускал те же ошибки:

«Вот уже сорок два года как я был принят в Боне... Брат Умбер (де Пейро) принес латунный крест, на котором было изображено Распятие, и приказал мне отречься от Христа, чей образ находился передо мной. Не по своей воле я сделал это. Потом тот, кто принимал меня, заставил меня плюнуть на крест, но я плюнул на землю... только один раз».

С его точки зрения, то же самое заставляли делать все остальные. И, напротив, он отрицал все, что касалось содомии.

Эти удручающие признания Жака де Моле будут не единственными, он повторит их многократно с некоторыми изменениями

Но, судя по другому документу, его поведение было еще более достойно жалости. Вот, что мы читаем в действительности в ответе Парижского университета на запрос короля:

«Установлено, что вышеназванный магистр сначала добровольно признался в своих грехах инквизитору... в присутствии многих добропорядочных людей; что затем, подумав в течение нескольких дней, в присутствии того же инквизитора, многих священников и Парижского университета, плача, он исповедовался в своем грехе и грехах своего ордена, произнес речь публично... Плача от стыда человеческого, однажды он попросил подвергнуть его пытке, чтобы его братья не могли сказать, что он добровольно явился причиной их гибели».

Конечно, ему в этом отказали, заявив, что это было бесполезно, так как имелись его признания: пытка же не применялась без нужды. Таким образом, Моле не только не пытали и не угрожали пыткой, но он просил об этом, чтобы прикрыться, и в этом оправдании ему было отказано! Он плачет, и признается, произнося речь! К тому же, добавляет наш документ: «Напрасный страх перед мыслью о страдании не мог заставить человека постоянно делать такие признания... И, невозможно, чтобы сам магистр ордена находился в неведении о таких вещах».

Защитники чистоты ордена должны были бы объяснить такое прискорбное поведение великого магистра.

Признания других высших сановников ордена

Такие же признания, по-прежнему, публичные и не вырванные пыткой, дали и другие руководители тамплиеров.

Гуго де Пейро: тот, кто принимал меня «отвел меня за алтарь и показал мне крест, на котором был изображен распятый Иисус Христос и приказал мне хулить того, чей образ был представлен и плевать на крест. Против моей воли я отрекся от Иисуса Христа устами, но не сердцем. Но, не смотря на приказ, который был мне дан, я не плюнул на распятие».

Затем он признается, что так же поступал по отношению к тем, кого он принимал в орден, но никогда не делал это искренне. Некоторые сначала сопротивлялись, но «в конце концов, все отрекались и плевали». Заметим, что он также допускает бесстыдные поцелуи, которые отрицают остальные.

Жоффруа де Шарне: «Приняв меня, и повязав плащ вокруг шеи, мне принесли крест, на котором находилось изображение Иисуса Христа: и тот же брат (Амори де ла Рош) сказал мне, что я не должен верить в того, чей образ был там представлен, так как это был лжепророк, и он не был Богом. Он заставил меня трижды отречься от Иисуса Христа устами, но не сердцем».

Потом, он принял одного брата по тому же церемониалу, но затем от этого отказался и принимал всех остальных не требуя никакого ни богохульства, ни плеванья, ни чего-то бесчестного. «Потому, что он сам был принят постыдным, святотатственным и противным католической вере образом».

Итог

Из 138 арестованных тамплиеров, все признали то же самое, кроме трех (Жан де Шатовийяр, Анри д'Эрсиньи и Жан де Пари), которым посчастливилось быть принятыми без навязывания чего бы то ни было, кроме ритуального поцелуя в уста.

Признания самых высокопоставленных руководителей и Жака де Моле были чудовищны, и общественное мнение встревожилось.

Реакция Папы

Только один человек, казалось, все еще не был убежден — Папа. Конечно, он не мог больше бездействовать: в булле «*Pastoralis praeeminentiae*», от 17 ноября 1307 г., он приказывает арестовать тамплиеров по всей Европе. Но он не отказывается взять дело в собственные руки и просит Филиппа Красивого передать ему всех заключенных. Филипп согласился неохотно и выдал Клименту некоторое число тамплиеров. Но, так как Церковь не обладала достаточным количеством тюрем, пришлось многих оставить в королевских темницах. В феврале один из заключенных сбежит из церковной тюрьмы Пуатье и Папа не сможет его вернуть, несмотря на обещанную крупную награду.

Таким образом, большинство тамплиеров проведут свое долгое заключение в светских тюрьмах: так случалось часто, когда две ветви власти помогали друг другу. Также будет и с Жанной д'Арк.

Но, наконец, Папа решился показать свою власть.

Расследования за рубежом

С самого начала Филипп Красивый разослал письма иностранным монархам, чтобы разоблачить перед ними орден и попросил поддержать его разделение за веру. Но все осторожно решили ждать реакции Папы.

Когда пришла булла, приказывающая арестовать тамплиеров, монархи, в основном, подчинились и приступили к арестам и допросам.

Очень полезно узнать, что дали эти следственные процедуры за рубежом, о которых говорят очень мало, к тому же они не оказали влияния на короля Франции. Французский король не мог не воспользоваться аналогичными результатами в других странах, что он и сделал во время заседания Генеральных Штатов: не только невероятно, сказал Филипп, что

такие преступления были допущены только во Франции, но «напротив было доказано, что они были совершены повсюду на земле и за морем, и таким же образом».

Это утверждение излишне преувеличено.

В Португалии, после чисто формального расследования и благодаря королевскому покровительству, тамплиеры были отпущены на свободу. В Арагоне они отказались сдаться и были осаждены в своих крепостях. Церковный собор, проходивший в Таррагоне, без серьезного расследования объявил их невиновными.

В других странах, там, где допросы велись церковными властями, дела обстояли иначе. В Англии, хотя большинство тамплиеров настаивало на своей невиновности, некоторые (и без пыток) признались, в частности, в отречении от Христа во время их вступления в орден. В Германии и Италии были получены признания, некоторые из которых были такими же удручающими, как и во Франции.

Во Флоренции комиссия выслушала, очевидно, еретические признания, но достаточно разноречивые: специалисты считают их близкими к иоаннитской ереси, известной на Востоке, которая, тем не менее, не отрицала Христа. Наконец, на Кипре, помимо противоречивых свидетельств, было получено откровенное показание великого магистра ордена госпитальеров.

В общем, результаты были менее значимы, чем во Франции, где, безусловно, проявили большее рвение. Но эти результаты не были отрицательными, и этого было достаточно, чтобы снять с Филиппа Красивого подозрение в том, что он их продиктовал и принудил к этим признаниям.

VI. РЕАКЦИЯ ПАПЫ

Дело казалось почти законченным, когда произошло драматическое событие, которое вызвало гнев короля и породило надежду у заключенных. В начале 1308 г. Климент V приостановил полномочия инквизиторов. Итак, все надо было начинать с начала.

Решение было абсолютно законным: инквизиция подчинялась Папе, который мог забрать у нее какое-то дело и рассматривать его лично. Хотя подобный случай является достаточно редким, он не уникален в истории этой организации. Народ, чья ненависть к тамплиерам дошла до крайности, не понимал, почему медлят с наказанием. Шептались, естественно, что Папа дал подкупить себя золотом тамплиеров. Слали петиции королю, требуя смертной казни виновных.

Колебания

Однако, все еще колебались. Климент V не принял окончательного решения. Король консультировался с Докторами Парижского университета о своих полномочиях. В силу привилегий, данных ордену с момента его основания, тамплиеры подчинялись только Папе и были независимы от любой светской власти: был ли достаточен для отмены этой привилегии тот факт, что речь теперь шла об изобличенных еретиках и позволяло ли это королю продолжить преследование? Именно эту проблему канонического права необходимо было решить.

2 марта 1308 г. Университет высказал свою точку зрения, отрицательную по отношению к действиям короля: в любом случае, речь шла о вопросах ереси и церковном ордене, а следовательно, дело подпадало исключительно под церковную юрисдикцию.

Действительно, в случае с еретиками, «дозволительно светской власти арестовывать их с намерением передать церкви», но «власть мирского судьи не позволяет вести процесс о ереси никому, кто не назначен Церковью». К тому же тамплиеры, хотя и были рыцарями, давали монашеские обеты, и «исключительно только клирики должны их судить». И,

наконец, «в силу самой природы преступления, все, что касается этого преступления относительно любого лица, подлежит Церкви».

Мы видим, что не все так были послушны желаниям государя, как это могло бы показаться. Эта точка зрения не связывал? Короля, но обезоружила его, и он не решился ее проигнорировать. Тогда он придумал и организовал настоящую кампанию, чтобы склонить мнение на свою сторону. Мы обладаем некоторыми «ремонастрациями» и «прошениями», вроде бы исходящими от народа, но, в действительности, составленными Пьером Дюбуа. В них Папа серьезно обвиняется, и ему угрожают низложением, а короля призывают заменить этого «сына дьявола», который из-за подношений и посулов, из страха, любви или ненависти отрекается от Господа и истинного правосудия!

Когда почва была подготовлена и дело приняло общенациональный размах, король решается созвать Генеральные Штаты, надеясь, что этот «плебисцит» даст ему полномочия защитника веры.

Генеральные Штаты

Генеральные Штаты были созваны в Туре с 11 по 20 мая 1308 г. Открывая их, Филипп Красивый напомнил, что это происходило всегда в связи с намерением его предшественников «изгнать ересь» и что он не смог остаться равнодушным к «отвратительным преступлениям» тамплиеров. «Небо и земля трепещут под дыханием столь великого преступления, и все стихии пришли в замешательство». Он призывает всех своих вассалов принять участие в этом «святом деле».

На заседании, как и ожидалось, Филипп получил то, что желал: хотя знать, кажется, слегка колебалась, горожане и духовенство были возмущены слабостью, а возможно и сообщничеством, Папы и поручили королю смело защищать веру.

Климент V, по-прежнему, хранил молчание.

Консистория

Филипп научился лучше понимать Папу и не доверял ему. Нельзя было повторять унижение в Ананьи. Как преодолеть колебания Климента? Король задумал встретиться с ним в Пуатье, поставить его в известность о решении Генеральных Штатов, призвать его действовать. Но разве Папа был обязан выполнять решения светского собрания? Тогда было решено созвать консисторию, на заседания которой будет допущен король и где он сможет изложить свою точку зрения!

Консистория собралась 29 мая. Гильом де Плезиан произнес на ней, от имени короля, длинную обвинительную речь. Он заявил, что факты, в которых обвиняются тамплиеры, являются «доказанными, ясными, не подлежащими обсуждению, более ясными, чем полуденный свет», и, что роль римского понтифика заключается в защите веры. Архиепископы Нарбонны и Буржа объявили, что абсолютно уверены в приведенных доказательствах.

Но папа, по-прежнему, колебался. Однако не стоит думать, что он подчинялся королю Франции. Он произнес хитроумную и запутанную речь: безусловно, если раньше он любил тамплиеров, то теперь может их только ненавидеть... если они, действительно, являются такими как их описывают. Но их арест был незаконным и «получается, что признания не точны». Он не сомневается ни в добрых намерениях, ни в искренности короля Франции, но в столь серьезном деле важно принять решение только после зрелого размышления.

Эта речь возмутила короля и его советников. 14 июня Гильом де Плезиан резко обратился к Папе, предостерегая его против опасности, когда увертки возобладают над

верой. Если святой отец, в чьи обязанности это входит, не хочет действовать, тогда «все те, кого касается это дело, будут призваны на защиту веры».

Еще раз Папа ни от чего не отказывался, но и не торопился с решением.

Папское расследование

Такая неспешность Климента V удивляет: разве он еще не убежден в виновности тамплиеров? Надо думать, что еще нет, потому, что он со своей стороны начал личное расследование.

И здесь появляется один из самых важных фактов всего процесса, и на который, обычно не обращают достаточно внимания: только приступив лично к новым допросам, Папа, наконец, решился действовать. Он лично заслушивает 72 тамплиеров и, безусловно, без пыток: вот момент, когда правда может вырваться наружу, без давления, момент, когда решается судьба ордена. И 72 свидетеля, заслушанные Папой, снова повторяют все признания, сделанные ранее!

У нас нет протоколов этих слушаний, они находятся в архивах Ватикана. Но они известны благодаря... Наполеону, который был увлечен делом тамплиеров и приказал захватить в Риме секретные архивы. Возможность их прочитать была, и Рейнуар проанализировал их, до того как они были возвращены. В них не было найдено чего-то существенно нового, тем более не нашли и ключа к загадке тамплиеров; но известно, как минимум, что эти документы широко подтвердили материалы предыдущих допросов; к тому же, и Климент V ясно об этом скажет.

В этот момент, — и только в этот момент — Папа изменит свое отношение: насколько он колебался до сих пор, настолько отныне он будет показывать свою твердость. То, что он услышал, его убедило, и он больше не изменит своего мнения. Папа уступил не давлению со стороны короля, а результатам своего личного расследования, произведенного без какого либо участия французского двора, доказательствам виновности тамплиеров, ставшей теперь безусловной, доказательствам, собранным им самим, исключаящим какую бы ни было возможность обмана или угроз.

Почему Климент V не заслушал Жака де Моле и высших руководителей ордена? Просто потому, что их не было на месте и надо было их перевозить. Папа попросил перевезти их в Пуатье. Безусловно, в этом была какая-то злая воля, так как 17 августа пленники были еще только в Шиноне, где конвой был вынужден остановиться из-за болезни. Конвой вскоре прибудет, но, не послушав Жака де Моле, Климент V примет, наконец, свое решение.

Решение Папы

Климент V хорошо разбирался в хитросплетениях права, и стоит ли удивляться тонким дис-тинкциям, которые он делал. В общем, он разделил вопрос об ордене и вопрос о людях.

1) Судьба ордена зависела только от него. Но этот вопрос был слишком сложен, чтобы он на этом этапе мог принять решение. И тогда он решил:

— что участь тамплиеров будет рассмотрена на церковном соборе, который должен был собраться в Вьенне в 1310 г.: в действительности придется отложить его на год;

— в ожидании церковного собора комиссия, созданная папой, должна была собрать всю информацию, касающуюся ордена. Во главе этой комиссии он поставил архиепископа Нарбонна Жиля Асцелина, известного своей неподкупностью и который, мы помним об этом, отказался участвовать в аресте тамплиеров. Ему будут помогать епископы Байе, Лиможа и Манда, три архидьякона и другие священники.

2) Что касается людей, за исключением четырех высших руководителей, Папа передает их: Инквизиции, которой он отдает, таким образом, частично свои полномочия. Их будут судить в каждой епархии епископ при участии двух доминиканцев и двух францисканцев.

Это разделение ордена и людей очень важно, чтобы понять последующие события. Одни и те же люди будут вызваны свидетелями для дачи показаний перед комиссией, и, одновременно, их будут судить персонально. Не могло не произойти конфликта полномочий.

Но, чисто логически, различия обозначены; личные ошибки тамплиеров вовсе не свидетельствуют, что сам орден запятнал себя преступлениями против Господа, и никому не придет в голову приговорить орден под предлогом того, что некоторые его члены погрязли в ереси. Таким образом, надо было, с одной стороны, судить личные ошибки отдельных братьев и, с другой стороны, оценить повлекли ли за собой коллективную ответственность число и характер этих ошибок. Действительно, не всегда будет легко разделить две точки зрения; но комиссия, которой не надо было судить людей, была, таким образом, гораздо более свободна в своих поисках и тем большую ценность имеет в наших глазах ее расследование. 3) Что касается высших руководителей, Папа отделит их от общего судебного процесса и оставит за собой решение о них, которое он сформулирует позже.

Допрос высших сановников ордена

Эти четыре человека, по-прежнему, находились в Шиноне. Не имея возможности выслушать их самому (из-за болезни), Папа решил, чтобы допросить их, послать трех кардиналов.

Это был удобный случай для Моле и его товарищей, чтобы отречься от своих признаний, если их вырвали силой. Они знали, что процесс начался заново, что Папа ведет расследование об ордене, что сотни их братьев могут быть подвергнуты новым испытаниям и ждут их реакции и поддержки. В конце концов, на карту поставлена честь и судьба ордена Храма...

Что же они делают? В присутствии кардиналов, без всяких пыток и давления, они повторяют свои признания.

Чего же более?

Булла 1308 г.

12 августа 1308 г. Климент V опубликовал свое решение и сформулировал свои директивы в булле «*Faciens misericordiam*». Эта булла представляет собой один из основополагающих документов дела и надо перечитать ее внимательно.

«Как только мы приняли сан понтифика, еще до того как мы приехали в Лион, чтобы принять там знаки нашего достоинства, и, затем позже, многократно нам секретно доносили, что магистр, приоры и другие братья воинства Храма Иерусалимского и весь орден совершили ужасающие преступления вероотступничества, идолопоклонничества, впали в низкий грех содомии и различные ереси. Нам казалось невероятным и противоречащим правде, что люди, которых считали столь благочестивыми, так как они согласились проливать свою кровь во имя Христа и постоянно подвергать себя смертельной опасности, показали себя настолько забывшими о спасении своей души, что повели себя таким образом. Мы отказывались слушать эти доносы.

Наш дорогой сын во Христе Филипп, славный король Франции, тоже был извещен в свою очередь об этих преступлениях; он провел расследование, так как это было

возможно, чтобы сообщить нам об этом очень подробно. Тем временем слухи, враждебные тамплиерам, не прекращали распространяться. Рыцарь ордена, принадлежавший к знатному роду пользующийся безупречной репутацией среди братьев, предстал перед нами и под клятвой свидетельствовал, что во время приема братьев в орден можно наблюдать следующий обряд (мы должны сказать — позорный поступок): по требованию того, кто принимает в орден, неопит отрывается от Иисуса Христа и плюет, с ненавистью к распятому, на крест, который ему подносят; и один, и второй совершают другие действия, не соответствующие ни законам, ни приличиям. После таких признаний, мы больше не могли не прислушиваться к подобным слухам: это было нашим долгом.

Наконец, предъявленные королю а также герцогами, графами, баронами и прочими преосвященными знати, духовенства и народа Франции или их представителями отчеты и отзывы показали нам, что магистр, приоры, сам орден были запятнаны этими и многими другими преступлениями; изначальные предположения были подтверждены различными признаниями и показаниями, сделанными перед большим числом прелатов и перед инквизитором Франции, записанные, чтобы сообщить нам, каковы оказались нам настолько убедительными что, отныне, стало невозможным отвергать их без скандала и опасности.

Вот почему мы решили приступить к расследованию, и мы уже допросили 72 священника, рыцаря и других братьев известного ордена; они дали нам клятву рассказать нам правду; из этих допросов, на которых присутствовали многие из наших братьев, в нашем присутствии был составлен подлинный документ, который мы зачитали на публичном заседании церковного собора и каждому присутствующему на его языке; они заявили, что настаивают на своих показаниях

После этого, желая самому допросить магистра и высших сановников ордена, мы попросили предстать перед нами в Пуатье самого магистра, приоров Франции, заморских земель, Нормандии, Аквитании и Пуату. Но многие из них были больны, чтобы совершить путешествие верхом с этой целью. Так как мы твердо стремились узнать от них всю правду и понять, были ли их признания и показания, сделанные перед инквизитором Франции, в присутствии нотариусов и судей, истинными, мы доверили допросить магистра и его приоров нашим дорогим сыновьям кардиналам Беренгарию Фредолю, Этьену де Сюизи, Ландольфу Бранкаggi, чья мудрость и верность казалась нам безусловной

Эти кардиналы лично изложили магистру и высшим сановникам причину их приезда. Они побуждали их давать показания без страха, в полной свободе. Магистр и приоры, перед тремя кардиналами, четырьмя государственными нотариусами и большим числом членов комиссии произнесли клятву на Евангелие и без малейшего давления или угрозы один за другим признали, среди всего прочего, отречение от Христа и плевание на крест. Некоторые из них признались, что по такому же церемониалу они приняли в орден большое число братьев. Некоторые, наконец, сделали другие признания столь ужасающие и неподобающие, что мы предпочли не упоминать их, стараясь не увеличить их постыдность. Затем, каясь, колена преклоненные, сложив руки (*manibus complois*), в слезах, попросили со смирением и с надеждой снятия с них отлучения от Церкви.

Церковь никогда не стремится закрыть свое лоно перед теми, кто возвращается в нее; таким образом, кардиналы, властью нам данной, дали им каноническое отпущение грехов. Затем они вернулись, чтобы представить нам подлинные протоколы всех этих показаний и сделать нам доклад. Из него мы узнали, что магистр и братья совершили серьезные преступления.

Так как орден распространен во всех частях света, и мы не можем лично провести расследование, мы просим вас данным апостольским письмом отправиться в город, епархию и провинцию Санса, призвать к себе нашим эдиктом всех тех, кто должен и

хогет быть вызван и допросить их по вопроснику, включенному в нашу буллу, которую мы вам пересылаем и т. д.»

Маловероятно, что такой документ не смог убедить читателя.

Последствия

Организация комиссии и поиски свидетелей были долгими. Действительно, в течение года больше ничего не происходило. Комиссия, созданная в августе 1308 г., начнет работать только в ноябре 1309 г. Ее местонахождение было определено в Сансе, столице епархии, которой подчинялся Париж; но архиепископ Санса (то есть и Парижа) не входил в комиссию. Получалось, что комиссия не зависела от него, так же как он не зависел от нее, что мы и увидим в дальнейшем.

Все это время тамплиеры находились в тюрьме. Они должны были, по логике, предстать перед судом индивидуально в своих епархиях. Но большинство епископов осторожно решили подождать результатов расследования. К тому же, так как комиссия желала выслушать всех тех, кто об этом просил, было необходимо перевезти в Санс со всех уголков Франции большую часть заключенных.

Единственный прелат не стал ждать завершения работы комиссии и приступил к суду над людьми до суда над орденом: сам архиепископ Санса. Но не будем забегать вперед.

VII. РАССЛЕДОВАНИЕ КОМИССИИ

Расследование комиссии, заседавшей в Сансе, продлится два года, включая перерывы в работе и процедурные происшествия. Начав работу 8 августа 1309 г., практически она начнет действовать только в ноябре, а завершит свою работу 5 июня 1311 г. Поэтому придется отложить заседание церковного собора, который откроется в Вьенне только 16 октября 1311 г.

Общие впечатления

Чтение протоколов расследования комиссии довольно скучно из-за бесконечного повторения одних и тех же оборотов. Как мы увидим, каждого свидетеля допрашивали по вопроснику, включающему 127 пунктов, откуда и появляются скучные повторы. Кроме того, не искажая мысль свидетелей, секретари суда резюмировали или исправили по форме показания таким образом, что вместо ощущения отражения живого слова, мы имеем только повторение одних и тех же формул.

Однако все скрупулезно было записано, включая колебания, исправления и возражения обвиняемых.

Две вещи поражают больше всего: расположение и даже доброжелательность дознавателей, и свобода, которой располагали свидетели (так как здесь они были всего лишь свидетелями, потому что расследование касалось только ордена).

Очень часто следователи вмешивались, чтобы подбодрить свидетеля, гарантировать, что ему не причинят никакого зла. Потрясенные рассказами о пытках следователи старались подчеркнуть, что они не собираются вновь прибегнуть к таким же методам. И, даже больше, они часто предлагали свидетелям сохранить в тайне их показания до церковного собора.

Многие вещи кажутся им невероятными, необъяснимыми: они настаивают, просят уточнить. Они дают время на раздумье, которое просят свидетели.

Короче, если какое-нибудь следствие и было непредвзятым, то именно расследование комиссии в Сансе. Вот еще почему, в отличие от признаний, полученных под пыткой, показания, полученные в Сансе, особенно до 10 мая 1310 г. (позже мы увидим значение этой даты), заслуживают большего внимания.

Первый допрос великого магистра

С самого начала, 26 ноября 1309 г. слушают Жака де Моле. Новое разочарование.

Он выражает чисто символический протест: «Орден был утверждён и получил привилегии от святого апостольского престола. Меня сильно удивило бы, если бы римская Церковь вдруг решила бы его уничтожить». Но когда его спрашивают, хочет ли он защищать орден (и кому этим заниматься, как не ему, прежде всего?), его ответ очень невразумителен: «Я не настолько учен, как следовало бы... Я готов защищать его в силу моих способностей, но эта задача кажется мне достаточно сложной: как защитить его достойным образом? Я узник Папы и короля Франции и имею только четыре денье, которые могу потратить на эту защиту».

Словно речь идет о деньгах! Ему читают признания, сделанные ранее в присутствии трех кардиналов, и просят объясниться по этому поводу. Он просит два дня на раздумья:

«Вы получите их. И даже больше, если хотите».

Значит Моле не отказывается от своих признаний и не выказывает никакого возмущения. Как обычно он кажется вялым и разочарованным.

Рьяный защитник

На следующий день брат Понсар де Жизи будет выглядеть гораздо более благородно. Хотелось бы найти другие такие примеры, но это единственное исключение:

«Все обвинения против ордена, в частности, что мы отрекались от Иисуса Христа, плевали на крест, давали разрешение братьям совокупляться между собой плотски и другие безобразия, все это является ложью. Все, в чем признались мои собратья и я сам, — это ложь! Мы говорили под воздействием жестокости, опасности, которая нам угрожала, и страха, так как нас пытали... *(за этим следует рассказ о пытках, который мы уже упоминали)*. Если меня снова подвергнут пыткам, я откажусь от всего, что говорю здесь, и скажу все, что захотят».

Очень важное заявление, хотя бы потому, что оно показывает ту свободу, которую комиссия давала свидетелям. Брат Понсар де Жизи не пострадал за свой мужественный ответ.

Второй и третий допрос великого магистра

28 ноября состоялся второй допрос Моле, у которого было время подумать. Поступит ли он также как брат, которого выслушивали накануне? Нет, он отказывается защищать орден: «Я всего лишь неграмотный и бедный рыцарь». Так как Климент оставил за собой право решать его судьбу, он ждет пока предстанет перед самим Папой. Но не хочет ли он защитить орден? Нет, «так как он такой же смертный, как и все люди, и думает только о сегодняшнем дне». Может быть он хочет сделать какое-нибудь заявление? Он заявляет, что ни один орден не собрал столько средств для Церкви и не отдал столько жизней в защиту христианской веры, как орден Храма. Конечно, говорят ему, но всего этого не достаточно для спасения души, если нет настоящей веры. Тогда он заверяет всех в своей христианской вере, доказывает, что верит в Господа и Троицу (будет записано, что он умолчал об Иисусе). «Когда душа отделится от тела, видно будет, кто был плох, а кто хорош и мы узнаем правду о том, что сейчас обсуждаем».

Следователи были поражены. Ни слова о страданиях его братьев, ни каких комментариев о его предыдущих признаниях. Он попросит присутствовать на мессе, что ему охотно разрешат, и не скажет больше ничего. Спустя пять месяцев, 2 марта 1310 г., он будет еще более лаконичен: поскольку его дело должен рассматривать сам Папа — пусть его отведу к Папе. Комиссия объясняет ему, что не уполномочена его судить, но «ведет расследование против ордена, как такового», и, что она должна выполнить свою задачу. Моле делает вид, что не понимает: орден не интересует великого магистра и только личное решение Папы персонально о нем занимает его мысли. Моле отсылают, не добившись больше ни слова.

Допрос других высших руководителей

Также плачевно и поведение других сановников, которые, кажется, не знают о цели, преследуемой комиссией.

Жоффруа де Гонневиль отказывается защищать орден, когда ему это предлагают: он не способен защищать его, находясь в заточении и будучи безграмотным (он тоже!). Его пытаются успокоить: «Вы можете здесь говорить без страха: не бойтесь ни грубости, ни оскорблений, ни пыток, мы не сделаем этого с вами и не позволим сделать; напротив, мы помешали бы этому, если кто-то попытался бы применить их к нам». Напрасный труд, Гонневиль хранит молчание. И тоже просит препроводить его к Папе, который должен решить его судьбу. Орден его не интересует. Вот все, что смогут из него вытянуть.

Надо признать, что та беззастенчивость, с которой руководители бросили своих братьев, возмутительна, но как ее объяснить? Осознавали ли они свои грехи до такой степени, что сами требовали наказания за них? Надеялись ли они, наоборот, на какую-то помощь, какое-то внешнее вмешательство? Непонятно, что и думать.

Другие свидетели

Так как высшие руководители уклонились, таким образом, необходимо было обратиться к простым братьям, что бы они выступили в защиту ордена. Для этого их надо было привезти в Сане, вот почему комиссия продолжала заседать до февраля. Многие удивляются медлительности, с которой их собирали, и полагают, что светские власти всячески мешали этим путешествиям. Возможно это так, но надо помнить о медлительности сообщений, в особенности в разгар зимы.

В феврале 1310 г. в Сансе наконец собрали около 550 тамплиеров, около 100 человек из них объявляют, что готовы защищать орден. Расследование можно продолжать.

Вопросник

Допросы велись по стандартному вопроснику, составленному королевской канцелярией, включающему 127 вопросов и одобренному Папой. Таким образом, каждый свидетель должен был ответить все на те же 127 вопросов. Такая процедура будет очень долгой и чрезвычайно скучной для читателя, но, по крайней мере, можно быть уверенным, что ничего не было забыто.

Сначала защитникам ордена читают целиком весь вопросник по латыни. Их спрашивают, хотят ли они услышать французский перевод. Любопытно заметить, что все эти неграмотные заявляют, что им достаточно выслушать вопрос по латыни:

«Не хватало еще, чтобы нас заставили выслушивать такие низости по-французски. Все здесь лживо и мерзко!»

Вот, наконец, все хорошо! Отныне, на допросах каждый вопрос будет переводиться на французский язык; некоторые даже будут отвечать на провансальском.

Но так как невозможно выслушать целиком сто адвокатов, защитникам ордена предложат выбрать среди себя шесть или десять «прокуроров», которые будут говорить от имени всех, свободно советуясь между собой и всеми остальными заключенными. Они колеблются, так как говорят, что им нужно было бы получить разрешение или согласие магистра.

Увы! им скажут, что магистр и высшие руководители отказались защищать орден. Понятно, что это немного смущает братьев. Архиепископ Нарбонны советует им поторопиться, так как день, на который назначено открытие церковного собора, приближается. В конце концов, они выберут четырех представителей, среди которых самым замечательным будет Пьер де Болонья.

Расследование до 10 мая

Несмотря на это напоминание, ничто не происходит до 1 апреля. Так как тамплиеры жаловались на условия их содержания, комиссия посетит тюрьмы.

И, наконец, 1 апреля Пьер де Болонья от имени заключенных братьев тамплиеров, делает заявление:

«Артикулы, посланные в булле монсеньером Папой, этот бесчестный, низкий, бессмысленный и ужасный вопросник, является ложью, грандиозной ложью, ложью несправедливой. Сфабрикованной из разных документов врагами ордена. Вера ордена Храма чиста и не запятнана и всегда такой был а. Все братья ордена, которые признали подобную ложь, целиком или частично, солгали. Кто, однако, осудит их? Они говорили под страхом смерти».

Как хотелось, чтобы и другие, а особенно Моле говорили также! К несчастью, пока речь идет

об общих положениях: все будет обстоять гораздо хуже, когда перейдут к отдельным пунктам.

А пока идут споры по процедурным вопросам.

7 апреля Пьер де Болонья читает другое аналогичное заявление. Четирем прокурорам разрешено посетить в тюрьме других братьев.

Наконец, 11 апреля начнутся индивидуальные допросы, которые вскоре приведут к катастрофе. Хотя казалось, что все складывается благоприятным образом, больше не было ни угроз, ни страхов, защитники договорились между собой... И тем не менее, один за другим, все свидетели, выслушанные с 11 апреля по 10 мая, повторяют прежние признания и признают основные факты!

Эти допросы, с 11 апреля по 10 мая, являются свободными, а следовательно, самыми важными. Они широко подтвердили факты, установленные ранее расследованием Папы и кардиналов: но об этом обычно историки не говорят!

Совет в Париже

10 мая Пьер де Болонья просит сделать срочное заявление и сообщает комиссии, что многих тамплиеров будет судить в Париже Совет провинции под председательством архиепископа Санса. Он протестует и просит заранее отозвать это решение.

Архиепископ Нарбонны справедливо отвечает ему, что это не входит в компетенцию комиссии: «Это нас не касается, мы не можем в это вмешиваться потому, что вы должны обращаться не к нам». Все же четыре прокурора подают апелляцию. Комиссия рассматривает ее и, в конце концов, решает, что не имеет полномочий вмешиваться.

Допросы возобновляются 11 мая, но 12-е заседание неожиданно прерывается: в ходе заседания становится известным, что 54 тамплиера, которых судили в Париже, только что приговорены к сожжению. Всеобщее смутение. Тогда комиссия решает обратиться к архиепископу Санса, чтобы попросить его отсрочить казнь. Мотив: приговоренные должны быть выслушаны комиссией. Но архиепископ Санса откажется и 54 приговоренных будут казнены.

Брат Эймери де Вилье-ле-Дюк потрясаяще расскажет об этом комиссии: «Вчера я видел, как в повозках везли 54 наших брата, чтобы сжечь их живьем. Я слышал, что их сожгли. О! Я, если бы я должен был быть сожжен, я не вынес бы этого, ибо я слишком боюсь смерти, я уступил бы... я признался бы, что убил Господа Нашего!»

Эти воины, возможно, не блещут мужеством, но зато этот пример выходит за рамки вопросника и передает атмосферу происходящего.

Крах

С этого момента началось крушение ордена. Свидетели больше ниче му не верят. Пьер де Болонья бежит из тюрьмы и никогда не будет найден. Остальные откажутся защищать орден. Работа комиссии затянется до ноября.

Допросы возобновятся с января по май, но не дадут ничего нового.

Однако, надо упомянуть странное поведение брата а Жана де Поленкура. Допрошенный 8 января 1311 г., сначала он заявит: «Я настаиваю на признаниях, которые уже сделал. Я признался, что отрекся от Господа во время моего вступления в орден». Члены комиссии предлагают ему хорошенько подумать: «Скажите все -таки правду, во имя спасения вашей души. Вы ничем не рискуете, если скажете нам правду». Тогда Жан де Поленкур отпирается от своих слов: «Ну, тогда нет, я не отрекался ни от Господа, ни от Иисуса Христа, я признался под страхом смерти». И ему позволяют уйти. Но 12-го он просит выслушать его снова и повторяет свои первые признания. Члены комиссии больше ничего не понимают, просят принести клятву на Евангелие, спрашивают, не заставил ли его кто -то снова изменить свое решение. Нет: «Я подумал, что я совершаю зло, совершая клятвопреступление, и попросил своих стражников снова отвести меня к вам... я клянусь, что во время вступления в орден, я отрекся от Господа и плюнул на серебряный крест».

Эти несчастные совершенно обезумели от страха.

Завершение работы

5 июня 1311 г. комиссия прекращает свою работу. Она выслушала, в основном до 10 мая 1310 г., 131 свидетеля, дававших свободные показания.

Досье было передано Папе, который представит его церковному собору в октябре. Документ достаточно поучительный: он содержит очень многочисленные признания. Теперь остается только детально изучить содержание этих показаний.

VIII. КЛЮЧЕВЫЕ ОБВИНЕНИЯ

Из 127 пунктов вопросника я рассмотрю только основные обвинения. Многочисленные вопросы касаются уточнений по деталям. Другие относятся к фактам установленным, но недостаточно убедительным: например не вызывает никаких сомнений, что тамплиеры брали на себя обязательства исповедоваться только капелланам ордена, любой внешний духовник был исключен. Рыцари давали клятву соблюдать тайну в вопросах,

интересующих орден, и не покидать его. Все это, естественно, объясняется независимостью и самой природой ордена.

Другие претензии являются надуманными: такие обвинения как подозрение в поклонении кошке, отпали сразу.

С другой стороны, надо рассмотреть пять основных обвинений. Я начну с наименее страшного.

1. Принудительная содомия

Вопросы с 40 по 45: «Вновь принимаемым братьям говорили, что они могут совокупляться плотски друг с другом, (41) что им это дозволено, (42) что они должны себе позволять это и взаимно терпеть, (43) что совершение этого, вовсе не является для них грехом, (44) что они сами совершали это, или многие из них (45) или некоторые из них».

Любопытно, что именно против этого обвинения, менее страшного, чем другие, тамплиеры защищались лучше всего.

Все отрицали, что содомия носила обязательный характер. Большинство признавалось в следующем: во время приема в орден им запрещали иметь сношения с женщинами; и им рекомендовали, что в случае если обет безбрачия становится слишком тяжёлым для них, то лучше вступить в связь с братом, чем с женщиной, дабы избежать скандала.

Выслушаем сначала высших руководителей.

Гуго де Пейро: «Я говорил им, что если они испытывали некоторое естественное сексуальное возбуждение, которое толкало их на невозддержанность, им было дозволено охладить пыл с другими братьями. Все это я говорил не сердцем, а только устами: такую практику позволял наш устав... Я думаю, что всех принимали в орден таким же образом».

Жоффруа де Шарне: «Я слышал как брат Же-рар де Созе, командор Оверни, говорил братьям одного из капитулов, что лучше плотски совокупляться с братьями ордена, чем вступать в связь с женщинами. Однако, я никогда этого не делал и никогда не был к этому принужден».

Затем руководители рангом пониже.

Матье дю Буа-Одема, приор Клиши: «Он сказал мне, что если желание побуждает меня удовлетворить мои мужские инстинкты, я должен уложить спать с собой одного из братьев и вступить с ним в плотскую связь. Таким же образом я должен был позволить взаимно вступить в связь со мной моим братьям. Однако никогда я этого не делал».

Пьер де Болонья: «Он сказал мне, что если меня терзают соблазны плоти, я волен совокупляться с братьями нашего ордена, и в этом нет греха. Однако всегда думал, и думаю по-прежнему, что это является отвратительным грехом, и никогда я этого не совершал».

Наконец, один из низших чинов брат Гильом де Шалу-ла-Рен, причетник: «Затем они заставили меня дать обет безбрачия в отношении женщин, прибавив, что если некий природный жар будет обжигать меня, я могу охладить свой пыл с одним из братьев ордена, но я клянусь, что никогда этого не делал».

Во всем этом присутствует лишь общая формулировка, за которой не следовало действия, и просто возникает искушение поверить в некий грубый розыгрыш, шутку дурного вкуса, которые часто можно встретить в казарме. Так как брат Жеро де Кос вспоминает, однако, что во времена магистра Тома Берара трое братьев, совершивших подобный грех, были посажены в тюрьму. То есть мужеложство, все-таки, в ордене было наказуемо.

То, что индивидуальные случаи содомского греха имели место, вряд ли можно было бы оспаривать. Удивительно, если бы было иначе в мужском коллективе. Наиболее точным примером, безусловно, является следующая история, пересказанная братом

Гишаром де Марсийяком, которая послужила единственным основанием всему этому важнейшему обвинению:

«Мессир Гуго де Маршан из лионской епархии, который являлся мне родственником, по моему ходатайству был принят в Храм в Тулузе... Братья привели его в мою спальню; они заперли дверь изнутри как можно надежнее... Они заперлись с Гуго так надолго, что всем тем, кто ждал снаружи, стало противно. Затем они открыли дверь в спальню и привели Гуго ко мне... он был совершенно бледный, потрясенный и подавленный... На следующий день Гуго привели в мой дом в Тулузе. Я попытался расспросить его с глазу на глаз. Он мне ответил: «Никогда больше я не смогу ни радоваться, ни жить в мире с самим собой». В дальнейшем, много раз я спрашивал его о причине смятения, никогда он не захотел мне в этом признаться».

Свидетель добавляет, что Гуго де Маршан до конца своих дней находился в отчаянии из-за этого и заказал себе печать с надписью «Печать погибшего Гуго».

Однако, из всех выслушанных тамплиеров, только двое признались в том, что совершали этот грех: Гильом де Варн аж и Рауль де Таверне, которые давали этому следующее объяснение: «С этим приходилось мириться из-за жаркого заморского климата». То есть речь далеко не идет о всеобщей и обязательной содомии.

2. Непристойные поцелуи

30-й вопрос: «Во время вступления в орден братья... целовали друг друга в губы, в пуп или в голый живот, а также в анус или копчик».

Здесь надо различать различные виды ритуалов.

1. Простой мирный или братский поцелуй, который по восточной традиции совершался в губы: это чисто символический же ст.

2. Безусловно, таким же символическим был поцелуй в грудь или в сердце (через ткань).

3. Более двусмысленным являлся поцелуй в плечо, как правило, обнаженное: «в плечо, в обнаженную плоть», говорит Жоффруа де Татан; «в обнаженную плоть, в плечо сзади», уточняет Жак де Труа.

4. Но многие свидетели признаются в более странном ритуале: традиции поцелуев в копчик или даже в анус (но через ткань).

Нельзя отрицать этот факт ввиду многочисленности свидетелей, заявивших, что совершали этот ритуал или так поступали с ними.

Гуго де Пейро: «Я отводил их в сторону и заставлял их целовать меня в копчик, в пуп и в губы».

Ренье де Ларшан: «Я поцеловал его сначала в низ позвоночника, затем в пупок и, наконец, в губы».

Пьер де Тортвиль: «Снова, по его приказанию, я поцел овал его в копчик, в пупок и в губы».

Жан дю Тур, казначей тамплиеров в Париже рассказал о другой церемонии: «Брат Жан затем поцеловал меня трижды, сначала в низ позвоночника затем в пупок, и, наконец, в рот».

Пьер де Болонья: «Я поцеловал приора в пупок и нижнюю часть тела. Я видел, как также принимали брата Арто, который вступал одновременно со мной, а в дальнейшем, и многих других».

Этот жест казался многим свидетелям столь же отвратительным, сколь и непонятным, но никто не придавал ему большого значения. Только один свидетель добавляет к этому что-то существенное — это Пьер де Сиврей: «Приор поцеловал меня в копчик и, вот, вдруг, он упал на землю! Его унесли полуживого...»

Обычно, это происходило менее драматично, в армейском стиле. Так Николя де Амьен, рассказывает: «Брат который меня принимал, сказал мне без обиняков: поцелуй меня в зад. — Скорее я позволю себя убить, ответил ему я».

Наконец, Гишар де Марсийяк: «Я слышал, как об этом говорили пятьсот раз или более, это было публичным правилом, что неофит целовал принимавшего его в анус, если не наоборот. Вот почему, — говорит он, — прием проводился секретно и за закрытыми дверями».

Я прекращу это монотонное цитирование. Факт более чем установлен, но в чем его смысл? Ничто не позволяет усмотреть в нем что-либо иное, кроме традиционной «прописки», унижения новичка, то, что в наших высших школах называют «bizutage». Не стоит забывать, что мы имеем дело с людьми военными и перейдем к делам более серьезным.

3. Пропуск слов в молитве

Вопрос 20: «Священники ордена опускали в канонах мессы слова молитвы».

Здесь речь шла о факте куда более важном, который позволял установить связь между ересью тамплиеров и катарской ересью. Некоторые историки, не колеблясь, устанавливают эту связь и утверждают, что орден был заполнен и извращен катарами. Тема диссертации Миньяра: «Доказательства манихейства в ордене тамплиеров» (1833 г.), о котором вновь вспомнила Режи́н Перну.

1. Является ли факт установленным?

Большинство свидетелей, которые делали признания по остальным пунктам, заявляли, что ничего не знают об этом: с их точки зрения священник нормально читал мессу. Но, поскольку эти свидетели не были священниками, их свидетельства не говорят ни о чем, кроме их невежества.

Признания священников гораздо интереснее; но в ордене было не так уж и много священников. Об этом рассказали четверо.

Готье де Бюри и Этьен де Дижон, заслушанные комиссией 21 декабря 1310 г., уточнили, что их просили, читая мессу, убрать четыре слова из канона (слова «*hoc est corpus meum*» — «сие есть тело мое»). Но оба утверждали, что никогда этого не делали.

То же самое заявлял Бертран де Вилье из епархии Лиможа, который получил аналогичное указание от приора Оверни, Жерара де Созе (которого нельзя было допросить, так как он уже скончался). И, наконец, то же свидетельство от Жана де Бранля, из храма Соль-сюр-Ионн. И эти двое также уверяют, что никогда не учитывали таких просьб.

Итак, всего четыре заявления. Но, ввиду малого числа заслушанных священников это все-таки много. И, однако, это нельзя считать общим правилом.

2. Но, если допустить, что такая практика существовала, чему она служила, если никто ее не соблюдал и не проверял, выполняется ли она? Все-таки признания говорят о простом указании, без какого-либо дальнейшего контроля.

В таком случае можно допустить некое проникновение катарской ереси, имеющей временный и локальный характер, но ни в коем случае не являвшейся общей еретической практикой.

4. Идолопоклонство

Двадцать вопросов с 47 по 67 вопросника посвящены ритуалу идолопоклонства, «а именно головам, одни из которых имели три лица, другие — одно, некоторые —

человеческий череп». Но, очевидно, что факты были неправильно поняты и неправильно изложены Папе. Посмотрим, что дали допросы.

А. Прежде всего многие свидетели говорят о голове, которой они поклонялись больше или меньше во время некоторых церемоний.

Гуго де Пейро: «Эта была человеческая голова, я видел ее, держал в руках и трогал в Монпелье, во время капитула, и я поклонялся ей также, как и все другие присутствующие братья, но только устами и из слабости, но не сердцем».

Ренье де Ларшан: «Я видел эту голову двенадцать раз во время капитулов, в частности в Париже, во вторник после дня св. Петра и Павла... Это была голова с бородой. Они ей поклоняются, целуют ее и называют своим Спасителем».

Гильом де Эрбле, милостынщик при королевском дворе: «Что касается головы, я видел ее во время двух капитулов, которые проводил брат Гуго де Пейро, досмотрщик Франции. Я видел, как братья ей поклонялись, но никогда не делали это искренне. Я думаю, что она деревянная, посеребренная и позолоченная снаружи... Мне кажется, что она с бородой или с чем-то вроде белой бороды». Гуго де Бюр: «Это было не дерево, может быть серебро, либо золото, либо медь. Это походило на человеческую голову с лицом и длинной бородой».

Бартоломео Бошье: «Это походило на голову тамплиера в шапке с длинной белой бородой».

Б. До настоящего момента описания достаточно совпадают. Но другие рассказывали, что видели голову с двумя лицами. И Гуго де Пейро, который должно быть иронизировал или старался усугубить ошибку, единственный скажет, что «эта голова имела четыре ноги, две спереди и две сзади».

Однако можно смириться с этими противоречиями, допустив, что существовало несколько различных голов.

Остановимся сейчас на объяснении.

В. Заметим, однако, что не все свидетели видели голову, и некоторые утверждают, что речь идет о бессмысленной сказке. Напротив, те, кто видел голову, очень ее испугались (!).

Рауль де Жизи, сборщик налогов в Шампани: «Эта голова, я видел ее на семи капитулах, которые проводили брат Гуго де Пейро и другие... Когда ее выносили, все падали ниц на землю, снимали капюшоны и поклонялись ей... Лицо ее ужасно, мне кажется, что это было лицо демона. Каждый раз, когда я на нее смотрел, меня охватывал такой ужас, что я с трудом мог глядеть на нее, трепеща всеми членами». Вот тебе и brave солдат! И когда ему замечают, что поклоняться незнакомой голове — преступно, он отвечает: «Мы поступали гораздо хуже, отрекаясь от Христа, после этого можно было поклоняться голове!».

Из всего этого следует, что доля правды в этом была, но свидетели абсолютно не поняли, что это было. Досмотрщик Гуго де Пейро, возможно был единственным, кто мог дать объяснения, но он от них воздержался. Почему?

Г. Продолжим исследование, поскольку у нас есть возможность пойти по правильному пути. Многие свидетели рассказывают об этой странной церемонии. Мы приводим описание Гуго де Бюна, который, кажется, совершенно в здравом рассудке:

«Брат вынул из шкафа голову и положил ее на алтарь. Затем веревочкой он перевязал ее, затем передал мне веревочку, посоветовав носить ее под поясом».

Эта веревочка достаточно известна, это был символ целомудрия. Если голова могла служить для благословения веревочки, значит, не могла она быть такой уж вредоносной. Не идет ли речь, всего-навсего, о реликвии?

Брат Ги Дофен рассказывает, что в Назарете он обвязал своей веревочкой колонну благовещения. Может быть, это просто была традиция прикладывать веревочку к священному предмету, чтоб придать ей больше силы. Суеверие, конечно, но

христианского характера. К тому же свидетели говорят, что орден обладал реликвиями, в частности св. Поликарпа и св. Эуфимии. Не была ли голова простым ковчегцем?

Гильом д'Арбле (или де Эрбле), королевский милостынщик, хотя и видел голову с серебряной бородой, подумал, что это была голова одной из одиннадцати тысяч девственниц!

Д. Вероятность, что речь идет о ковчегце (возможно с мощами мученика ордена) могла бы быть подтверждена следующим фактом. 11 мая 1311 г. комиссия, заинтригованная этими разноречивыми свидетельствами, запросила у хранителя имущества ордена, находится ли среди захваченных предметов деревянная или металлическая голова. Хранитель принес комиссии голову из позолоченного серебра: это было лицо женщины, внутри которого нашли две завернутые кости со следующей единственной надписью «*Caput LVIII m*». Хотя вовсе не существовало привычки нумеровать мощи, трудно предположить, чем другим могла быть эта коробка с костями. Свидетели не признали в женской голове ту бородатую голову, но можно предположить, что речь идет об аналогичном предмете.

Е. *Бафомет*. Это правда, что все слышали, что тамплиеры поклонялись идолу по имени Бафомет. Различные авторы спорят о смысле этого имени. Но имя Бафомета встречается редко и только в материалах допросов. Поэтому возникает вопрос, не вошло ли оно, просто-напросто, из показаний сержанта из Монпеза (возле Монтобана), который признал, что «поклонялся бафометовскому образу». Жители северной Франции находясь в неведении, что просторечный язык Прованса легко изменяет имена собственные, не знали, что на провансальском языке Бафомет означал «Магомед». Бафометическое изображение означает, таким образом, «мусульманское изображение», и храбрый сержант безусловно не знал, что мусульманская религия запрещает как изображение человека, так и Господа. Он поверил, что ему показывали мусульманского идола и на этой ошибке перевода были построены целые научные теории.

Этого можно было бы, безусловно, избежать, если бы прочитали следующий фрагмент, с ностальгией написанный около 1265 г., трубадуром, по имени Оливье Тамплиер: «Они (турки) знают, что каждый день унижают нас, поскольку Господь, бодрствовавший ранее, спит и Бафомет творит властью, ему данной и возвышает султана Египта».

Ж. *Похоронная история*. И разве можно верить отвратительной истории, пересказанной свидетелем Антонио ди Верчелли, старым нотариусом Храма, побывавшем в Палестине? Это ошеломляющая история, основанная на простых слухах и не подтвержденная непосредственными свидетелями. Вот она во всей своей отвратительности:

«В Сидоне я слышал, что один правитель этого города, полюбил благородную даму из Армении, но никогда за всю свою жизнь не познал ее плотски; когда она умерла, он пришел познать ее тайно в ее могилу в ночь сразу после похорон. Вскоре после этого он услышал голос, который сказал ему: „Возвращайся, когда настанет время родов; ты найдешь своего отпрыска, и он станет вождем человечества“. Когда наступил назначенный срок, рыцарь пришел в склеп и нашел человеческую голову между ног дамы. И второй раз он услышал голос, который сказал ему: „Сохрани эту голову, она принесет тебе счастье“».

3. Поскольку никаких, более убедительных открытий не было сделано, мы вынуждены принять за гипотезу тот факт, что тамплиеры поклонялись реликвиям. Но почему, в таком случае, Гуго де Пейро, который наверняка знал правду, ведь его имя часто связывают с этими церемониями, не дал подобного объяснения, не создавая столько тайн? Возможно, он обладал ценной (или считавшейся такой) реликвией, привезенной с Востока, и хотел уберечь ее от грабежа? Ведь западные церкви, жадные до реликвий, не колеблясь, воровали их!

Как бы то ни было, обвинение в ереси не может основываться на поклонении идолам.

До настоящего времени получается, что мы не нашли ни одного серьезного обвинения и приговор ордену нам кажется мало обоснованным. Таким образом, надо перейти к главному обвинению, которое, в конечном итоге, и составляет весь процесс.

IX. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ХРИСТА

Тринадцать первых вопросов, заданных комиссией, касались именно этого обвинения; но достаточно большое количество деталей было признано не точными (например, факт мочеиспускания на крест), и, в конечном итоге, обвинение было сведено к следующему: во время приема в орден неопит должен был отречься от Иисуса Христа и плюнуть на крест.

Свидетельства

Свидетельства по этому пункту согласованны, точны и отягчают обвинение. Если исключить все, что могло быть вырвано под пыткой или при помощи угроз:

- а) Признания Жака де Моле и руководителей ордена на первом допросе перед Университетом и инквизитором в Париже;
- б) Повторение этих признаний в Шиноне в присутствии трех кардиналов, посланных Папой;
- в) Признания, полученные самим Папой во время личной встречи с 72 тамплиерами;
- г) Признания, полученные в Англии и Германии;
- д) И, наконец, показания, собранные комиссией в Сансе с 11 апреля по 10 мая 1310 г., которые я сейчас и хочу проанализировать.

Прежде всего, брат Жан де Сен-Бенуа, которого комиссия выслушала 13 апреля на смертном одре: «Я был принят сорок лет тому назад в Ла Рошели братом П. де Лежьеном. Во время моего принятия в орден он сказал, что нужно отречься от Господа нашего. Я теперь не помню, называл ли он его Иисусом, Христом или распятым, он сказал мне, что это все едино. Я отрекся устами, но не сердцем».

Жан Тайлефер из епархии Лангр, выслушанный 14 апреля: «В день моего вступления я отрекся от Христа, только один раз по приказу капеллана, который меня принимал; я сделал это устами, но не сердцем. Затем меня принудили плюнуть на крест; я плюнул только один раз и мимо» (отметим, что здесь именно священник дает приказ об отречении).

Жан Англичанин, выслушанный 15 апреля: «Я был принят в орден в ла Рошели в Сентонже120 братом Пьером де Мадри... Он отвел меня за алтарь и приказал трижды отречься от Иисуса и плюнуть на крест, который мне показали. По его приказу я трижды отрекся от Иисуса, устами, но не сердцем, и плюнул на крест».

Гуго де Бюр из епархии Лангр, выслушанный 24 апреля: «Брат принес мне крест и велел плюнуть на него и топтать его ногой, отрекаясь трижды от Иисуса. Я был этим совершенно потрясен и отказался. Тогда брат сказал мне, что так надо, что это правило ордена Храма: и если я не подчинюсь, они хорошо знают, как они должны поступить... Тогда я отрекся от Иисуса трижды устами, но не сердцем и плюнул рядом с крестом только один раз и не стал топтать его ногами».

27 апреля Жерар де Пассаж из епархии Меца рассказывает похожую историю. Допрашивающие переспрашивают: «Вы не подумали, что плевать на крест является грехом? — Да, но я сделал это из-за моей клятвы». В конце концов, он плюнул только один раз на основание креста.

Жоффруа де Татан из епархии Тура, выслушанный 29 апреля: «Брат Жан отдал мне приказ, прежде чем надел на меня плащ, трижды отречься от Иисуса. В этом я уверен.

Трижды я отрекся от него, произнося: я отрекаюсь от Иисуса, я отрекаюсь от Иисуса, я отрекаюсь от Иисуса. После чего приор велел принести крест и попросил меня плюнуть на него; я плюнул рядом, отказываясь плюнуть на него... Он сказал мне, что таково правило, он объяснил бы мне его, но совершенно ничего не должен мне объяснять».

Раймон де Васиньяк, выслушанный 6 мая, рассказывает о своем вступлении в орден в Лиможе почти также: «Я подчинился, я отрекся от Христа только один раз, устами, но не сердцем. Я плюнул рядом с крестом... а (приор) сказал мне только, что таково правило».

Бодуэн де Сен-Жюст из епархии Амьена, выслушанный 7 мая: «Брат Пьер де Браэль, приор Соммере, отвел меня в соседнюю комнату, где, при закрытых дверях, велел мне отречься от Бога. Ужаснувшись, я отказался. Он ответил, что так надо, иначе со мной случится несчастье. Я был раздавлен страхом... Я отрекся от Бога, как меня попросили, устами, но не сердцем и только один раз».

Жак де Труа из епархии Труа, выслушанный 9 мая: «Брат Рауль заставил меня отречься от Господа нашего, который висел на деревянном кресте. Это было мне отвратительно, как вы понимаете, но, боясь, что они убьют меня, так как у них был большой меч, вынутый из ножен, в конце концов, я трижды произнес отречение от Христа, — трижды, устами, но не сердцем: „Я отрекаюсь от Господа нашего, потому, что вы этого хотите". Затем брат Рауль велел мне топтать ногами серебряный крест, на котором было изображено распятие, и плюнуть на него. Его положили на землю. Я трижды наступил на него, я уточняю, на ноги распятого, я плюнул рядом, но не на него».

И, наконец, добавим, именно из-за деталей, следующий рассказ Жеро де Кос из епархии Родез, который был выслушан только 12 января 1311 г. Его вступление в орден происходило в Кагоре:

«Четверо или пятеро сержантов ордена закрыли дверь зала на засов и достали крест, длиной в полтора локтя. На кресте не было никакого изображения распятия. Они сказали нам, указывая на крест: „Отрекитесь от Господа!" Мы, потрясенные и испуганные, конечно, отказались. „Так надо, — сказали они, — доставая из ножен свои мечи". Тогда, от страха, мы, безоружные, отреклись от Господа. Я сделал это устами, но не сердцем; двое других, я думаю, также.

„Плюньте на крест", — приказали нам сержанты. И, так как мы отказались, они сказали нам, что избавят нас от этого, при условии, что мы промолчим и не выдадим их».

Однако иногда неопит был избавлен от отречения, либо потому, что его и о чем не просили, либо потому, что не настаивали. Так, например, Альбер де Рюмеркур, принятый в орден в возрасте 67 лет, отказался: «Так как вы стары, мы избавим вас от этого, как и от всего остального». За исключением этих нескольких отступлений, все пр изнались в этом. Несколько сотен свидетелей, все, за исключением 15 человек, признали, что выполнили этот ритуал, были принуждены к нему или принуждали к нему вновь посвящаемых. Разнообразие региональной принадлежности свидетелей показывает, что речь идет, конечно, о ритуале общепринятом в ордене: он практиковался также и за границей.

Форма и природа ритуала

Ритуал включает многочисленные варианты по форме. Иногда отрекаются трижды, иногда только раз; плюют один или три раза, и совершенно не имеет значения, если плюют в сторону.

Чаще всего на кресте присутствует изображение распятия, но иногда случается, что это просто крест. Он может быть деревянный или серебряный; иногда он просто изображен на требнике, а однажды, безусловно, за неимением ничего другого, довольствовались крестом, украшающим плащ.

Отречение всегда касается Иисуса, и не важно как его называют. Даже те, кто заявляет, что отрекся от Бога, прекрасно понимают, что речь идет о Иисусе, так как он представлен на кресте.

Еще более любопытно, что ритуал никогда:

— не предваряется объяснением или предупреждением: все свидетели заявляют, что были удивлены и испуганы тем, о чем их просили и к чему они были совершенно не готовы до церемонии;

— не сопровождается объяснениями: в тех случаях, даже если обе щали объяснить произошедшее, этого никогда не делали.

Например, брат Рено из орлеанского приорства рассказывает, что те кто его принимал, сказали: «Замолчи, мы расскажем тебе об уставах ордена в другой раз». Но, объяснение откладывается для тех, кто его ждал и о нем больше никогда не заговаривают.

Наконец, и, прежде всего, вовсе не требовалось, чтобы отречение было искренним. Несмотря на единообразие формулировки, которую используют редакторы, все свидетели утверждают, что отреклись «уставами, но не сердцем».

Брат Жан де Ромре свидетельствует, что его заверили, принуждая к отречению, что это всего лишь «розыгрыш» (*truffa*). Так как это был всего лишь простой сержант, он этому поверил. В данном случае довольствовались словами, не требуя искренности. Но это исключительный случай: остальные свидетели не заблуждаются по поводу характера отречения и видят в этом важное действие.

Однако это чисто формальное отречение навязывают грубой силой: обнажая мечи, угрожают бросить в застенки, приговорить к смерти.

Только иногда, неопита освобождают от части ритуала, а точнее от плеванья, если он обещает ничего не говорить.

Отречение — это ритуал, присущий церемонии принятия в орден. Он даже не влечет за собой никакого продолжения: о нем даже больше не говорят. Тамплиер не получает никакой инициации, его не заставляют принять какую-либо доктрину, от него больше не требуют каких-либо извращенных ритуалов.

Большинство заявляло, что, так как это воспоминание смущало их, они не решались говорить об этом даже между собой. И все-таки, однажды, брат Боско де Мазюалье из епархии Лиможа, попросил объяснения у приора Буржа: «Брат Пьер ответил мне, что не надо быть слишком любопытным, иначе я навлеку на себя гнев братьев и руководителей ордена. Отправляйся ужинать, сказал он мне. Речь идет о пророке, тебе это слишком долго объяснять».

Признаемся, что все это удивительно и понять это трудно.

Смысл и распространенность ритуала

Самое удивительное, что и сами руководители заявляют, что не знали значения ритуала, который выполняли и к которому их принуждали.

а) Прежде всего надо отбросить те объяснения, которые могут быть соотнесены с ортодоксальной верой. Можно подумать о сходстве с тройным отречением св. Петра, но столь простое объяснение непременно бы дали неопитам. Итак, все свидетели согласны рассказывать о действительном отречении от Иисуса Христа.

б) То же замечание можно сделать по поводу объяснения, данного двумя тамплиерами нижних чинов: они говорили, что это было испытание, которое нужно пройти на тот случай, если мы попадем в плен и неверные заставят нас отречься от Господа. В этом случае вряд ли отказались бы дать подобное объяснение, которое подтвердило бы полезность испытания. И означает ли этот ритуал, что в подобных обстоятельствах тамплиер должен был отречься от Господа, чтобы спасти свою жизнь? Наоборот, мы знаем, что многие, угодив в плен к сарацинам, предпочли смерть.

в) Жоффруа де Гонневиль, на первом же его допросе, попытался дать историческое объяснение этому ритуалу. Брат Робер де Тортевиль, принимая его в орден, заставил

отречься и объяснил ему: «Этот обычай нашего ордена был введен по обету, данному плохим магистром ордена, который был пленником султана и получил свободу, поклявшись, что обяжет к нему наших братьев». Это заставляет вспомнить о магистре Жираре де Ридфоре, который, попав в плен к мусульманам, был освобожден на условиях, оставшихся загадочными: его даже подозревали в предательстве. Но данное объяснение безусловно надуманно: подобное обещание, вырванное, к тому же, силой и данное язычнику, не могло наложить обязательств на великого магистра и, уж тем более, на весь орден. В случае необходимости, Папа, обязательно, освободил бы от такой клятвы.

г) К тому же, если невежественные братья не все понимали в значении символа, высшие руководители не заблуждались по этому поводу. Жоффруа де Шарне заявляет: «После того как я был принят и на меня надели плащ, мне принесли крест с изображением Иисуса Христа. Брат Амори велел мне не верить в того, чей образ был нарисован на нем, так как это был лжепророк, а не Бог». Затем он добавляет, что сам не принуждал к этому ритуалу тех, кого он сам принимал в дальнейшем: «Так как я прекрасно убедился, что то, как меня самого принимали, было отвратительно, нечестиво и противоречило вере католической», нельзя объяснить яснее.

Лучшим доказательством того, что речь идет об очень важном деле, является то, что тамплиеры позволили приговорить себя по этому единственному факту. Никто из них, даже Моле, не пытались объяснить этот ритуал. Таким образом, они признали его антихристианский характер.

Ритуал и исповедь

Поскольку это требование сильно смущало простых братьев, после вступления в орден их посылали исповедаться в этом грехе, и все заявляют, что этот грех был им отпущен, при наложении символической епитимьи.

Так, например, Жану де л'Омону, се ржанту парижской епархии, наставник просто сказал, после того как он, дрожа, плюнул рядом с крестом: «Кретин, иди теперь исповедайся!»

Члены комиссии были удивлены, что исповедники не были встревожены такими откровениями. Но не стоит забывать другой, очень важный и серьезный факт: тамплиер мог исповедоваться только священнику ордена и давал в этом клятву.

Таким образом, это всегда был священник ордена, который, кажется, довольно легко, давал это странное отпущение грехов. Брат Жан де Баали уточняет в своем признании: он отправился исповедаться к брату Пьеру Мино, тому самому, который только что его принял. И, так как комиссары удивились, что он выбрал именно того, кто только что заставил его совершить грех, в исповедники, он пояснил: «Мне сказали, что без разрешения моих начальников я не могу исповедоваться кому-либо другому, кроме братьев ордена».

Откуда мог возникнуть этот запрет исповедоваться вне ордена, если не для того, чтобы избежать огласки вне братства возмутительных фактов, о которых священники ордена были, напротив, осведомлены?

Вот показания Пьера де Моды о легкости и "ючти автоматическом характере отпущения грехов. Так как он отказывался отречься от Христа, приор сказал ему, что это правило ордена и добавил: «Давай же, не сомневайся, капеллан может отпустить тебе этот грех».

Таким образом, отречение от Христа сопровождалось пародией на таинство епитимьи!

Х. СТРАННАЯ ЕРЕСЬ

Не было никаких сомнений, что отречение от Христа и плевание на распятие должны были означать появление глубоких отклонений в ордене, тайное принятие веры или идеала, отличных от христианства, даже если простые братья не рассматривали это таким образом.

Безусловно, такое утверждение кажется чрезмерным, и историки отказались принять его: «Оно входит в формальное противоречие с духом и задачами ордена Храма, его вооруженной борьбой, пожертвованиями, самоотверженностью и преданностью римской Церкви»^{*}. Они стараются доказать, что речь шла лишь о шутке над новобранцами, призванной в извращенной форме указать неопиту на его обет подчиняться, напомним ему о тройном отречении св. Петра. К сожалению, сами тамплиеры никогда ничего подобного не говорили, хотя речь шла о спасении их жизней; руководители никогда не давали подобного объяснения, хотя речь шла о спасении ордена и жизни их братьев.

Мы видели, что в 1307 г. Папа еще не был убежден в виновности тамплиеров. В октябре он приказал кардиналам допросить руководителей ордена в Шиноне: Моле и его заместители легко могли бы объяснить, что оскорбление распятия вовсе не было антихристианским действием, но являлось напоминанием об отречении св. Петра. Папа мог бы признать эту церемонию дурным обычаем, и, возможно, запретил бы ее, но при этом был бы совершенно счастлив такой ценой положить конец делу, которое было столь мучительным для него. Филипп Красивый, возможно, отреагировал бы сурово, но лишился бы своего единственного оружия, что могло позволить Папе решиться на сопротивление. Если Климент V и был убежден в реальной и глубокой виновности ордена, то именно на основании признаний, сделанных в Шиноне. Итак, что говорит Моле кардиналам, пришедшим допросить его? «Хитрость врага рода человеческого привела тамплиеров к слепому падению», в течение долгого времени те, кого принимали в орден, отрекались от Христа «рискуя своей душой». Итак, это очевидное признание в ереси или в сговоре с дьяволом, а вовсе не в простом двусмысленном жесте.

Папа лично выслушает 72 тамплиера и получит аналогичные признания. Он квалифицирует эти действия как бесчестный, низкий поступок и преступление. Никто из обвиняемых и не подумал заметить ему, что ритуал мог быть невинным.

В ноябре 1309 г. Моле вспоминает перед следственной комиссией, как затем это будут делать будущие историки, о жертвах ордена в Святой земле и добрых делах. Ему заметят, что «все это не имеет никакого значения для спасения душ, если в этом отсутствует фундамент католической веры». Речь не идет о возникновении «лютеранского» конфликта между верой и делом. Просто делается упор на спасение души. Тогда Моле покорно заявляет о своей христианской вере, но многократно повторяет свои предыдущие признания, не стараясь смягчить их значимости: речь идет именно о проблеме спасения души. Только рядовые братья, никогда не верившие, что действительно отреклись от Христа, будут горячо протестовать. Высшие руководители ордена никогда не попытаются объяснить ритуал отречения в христианском смысле.

Итак, ересь очевидно установлена.

Но какая странная ересь! Она приводит нас в замешательство, и надо признать, что мы не осведомлены о чем-то главном, что могло бы нам помочь понять ее.

Прежде всего, кажется, что высшие руководители до процесса никогда не осознавали тяжесть этих фактов: они представляют ритуал как древний обычай, смысл которого, вроде бы, потерян и которому никто не придавал значения. Однако, христиане, столь невежественные в теологии, как их представляют, не могли сомневаться в отвратительном, дьявольском характере отречения от Христа. Если простые братья пугались отречения, как

^{*} Bordonove G. Les templiers, 1963. (Примет, авт.)

более образованные руководители могли легкомысленно трактовать этот поступок? И почему никогда не упразднили этот святотатственный ритуал? Во время допросов высшие руководители, не имея возможности отрицать столь известный факт, кажется, больше всего старались скрыть его смысл: именно потому, что правда не могла быть раскрыта.

Но, одновременно признаваясь в этой отвратительной практике, высшие руководители заверяли, что исповедовали христианство и просили разрешения присутствовать на мессе. Нельзя постоянно подозревать их в том, что они разыгрывали комедию. Насколько можно понять из протоколов, которые не передают живую интонацию слов, сановники были уверены, что являются добрыми христианами. Не боялись ли они навлечь на себя проклятье? Их двусмысленное поведение понять гораздо сложнее, чем поведение настоящих еретиков: например, катары мужественно всходили на костры, проповедуя свою собственную веру, отрицая Церковь и человеческую сущность Христа. Почему, если тамплиеры перешли в другую веру, то никогда не сказали об этом? Почему не нашелся среди них, хотя бы один, кто признался бы в своей вере, какой бы она не была? Встречались же приговоренные инквизицией, признававшие, что заключили договор с дьяволом! Что касается тамплиеров, кажется, что они были просто запуганы и старались только спасти свою шкуру. Но для верующего это не главное: разве их вовсе не заботило спасение души, в какой бы форме они себе его не представляли? На это различие в поведении мы еще раз обратим внимание, когда попытаемся сопоставить их тайную доктрину с доктриной катаров. У катаров были многочисленные мученики, так же добровольно и мужественно принимавшие смерть, как и мученики первых веков христианства; у тамплиеров мы не найдем ни одного подлинного мученика, я имею в виду умершего за публично признанную веру в качестве «свидетеля». Все заверяли, что являются христианами, зная, что отреклись от Христа. Конечно, большинство отреклось устами, но не сердцем и речь не о них. Но руководители, носители тяжелой тайны, которую они не могли открыть, почему они хотели умереть христианами? И, если они являлись христианами, почему ничего не могли сказать о своем заблуждении, о доктрине, которую они признавали дьявольской? Признание на исповеди этого греха, разве не являлось условием, необходимым для действительного отпущения грехов?

Вот почему мы задаемся вопросом: действительно ли имела тайная доктрина, которую точно можно было бы квалифицировать как ересь. Ересь — это прежде всего доктрина, отличная от официальной догмы, но связанная и обоснованная аргументами; это концепция сущности человека и души, это религия, подразумевающая связь с божественным началом и, чаще всего, культ. Каким образом тамплиеры, которые не были ни теологами, ни даже интеллектуалами, могли выработать религиозную доктрину? Прежде всего, это были солдаты, к тому же, все более и более становившиеся банкирами: никто, никогда не видел военных или финансистов, разработавших религию или философию. Именно монахи становятся еретиками, те, чьи знания и размышления побуждают к сомнению в догмах или интерпретации текстов в моменты досуга. Вспомним о трудолюбивой, духовной эволюции Лютера! Ничего подобного нет у тамплиеров. Безусловно, это монахи, но так мало склонные к интеллектуальным размышлениям!

Таким образом, следует допустить, что не сами тамплиеры выковали свою ересь, что они лишь восприняли доктрину извне, что они были заражены, соблазнены какой-то сектой. Но мы увидим, что напрасный труд пытаться их привязать к известным сектам или доктринам. Их ересь кажется абсолютно негативной, ограничивающейся отрицанием Христа.

Это уникальный случай в истории религии. Все ереси, все верования имеют доктрину, известную, хотя бы посвященным, и которая составляет предмет посвящения или обучения. В ордене Храма нет обучения, нет посвящения и даже объяснения. Отречение от Христа не навязывается как последствие или посвящение в таинство духовной подготовки, оно является необходимой формальностью при вступлении, после чего о нем даже не

говорят. Какими бы скрытными не представляли бы мы себе апостолов тайной доктрины, какими бы осторожными не являлись они в отношении мало надежных неофитов, кажется невероятным, что они никогда не попытались довериться нескольким избранным последователям и завоевать их на благо своего дела. Чему может служить доктрина настолько тайная, что не позволяет себе иметь последователей?

Итак, все кажется странным, необъяснимым и можно сожалеть, что следственная комиссия проявила себя мало настойчивой по отношению к священникам ордена, когда они признались в практике опущения слов из мессы. Кажется, никому не пришло в голову спросить объяснения этому правилу, как будто бы оно само по себе являлось достаточно понятным всем фактом. Кажется, никто не подумал и о том, что капелланы ордена, которые обладали монополией на исповедь братьев, обязательно знали что-нибудь о преступлении, признания в котором они выслушивали после каждого вступления в орден и, безусловно, были готовы к тому, что слышали.

Процесс над тамплиерами, это процесс инквизиции, дознаватели в Сансе — высшие прелаты: можно ли представить, что обнаружив столь грандиозную ересь никто из них не попытался узнать ее происхождение, природу и степень угрозы для католической веры? Это можно было бы объяснить, если бы признания соответствовали хорошо известной доктрине или характерному ритуалу; но одно только отречение от Христа, не приводит нас ни к одной конкретной доктрине. Следователи заботились лишь об установлении факта, с чем мы можем их только поздравить. Но какое странное безразличие к природе ереси! Правда, никто ничего больше не мог им сказать, так как виновные сами не знали причин своих преступлений, а руководители замкнулись в суровом молчании.

При наличии этих проблем остается только попытаться догадаться, смирившись с недостаточностью расследования, сравнивая признания тамплиеров с известными доктринами. Попытаться догадаться, чтобы понять, не может ли одна из них дать нам ключ к загадке. Это пытались сделать довольно часто и безрезультатно, и я попытаюсь всего лишь изложить отрицательный итог, который не лишен интереса из-за несовпадений, которые в итоге были выявлены.

Герметизм

Начнем с того, что отделим все то, что походит на алхимию, каббалу и другие оккультные практики. Нигде мы не найдем ни малейшего намека на факты подобного рода, опыты или тайные церемонии. Общество, возмущенное богатством тамплиеров, предполагало, что они изготавливают зелье. Однако оно не имело никакого представления о банковских процессах, которые, будучи весьма крупномасштабными, являются единственно разумным объяснением доходов ордена.

Кроме того, даже если магистры предавались в тайне поискам философского камня, эликсира вечной молодости или секретов Гермеса, что, кажется, очень мало соответствует их активной жизни, из этого вовсе не следует, что они должны были принудить весь орден к отречению от Христа без какой-либо связи со своими поисками.

Говорят, от Христа отрекались, чтобы умиловить дьявола и это было платой за сделку, по которой магистры пообещали сатане отдать души всех братьев. Необоснованная наивность: какими бы не были наивными люди средневековья, не надо принимать их за полных идиотов, по крайней мере, они знали, что дьявол не удовлетворится одним поступком, без последующих, который мог бы повязать раскаивающегося верующего.

В архитектуре церквей и замков храмовников, в некоторых орнаментах конструкций пытались увидеть загадочные символы. К счастью, нашелся «технар», который смог доказать несостоятельность этих гипотез — господин Эли Ламбер в своей «Архитектуре тамплиеров» (1955 год). Тамплиеры, безусловно, привезли с Востока несколько

необычных для нас архитектурных приемов, таких как восьмиугольная ротонда, но они были не единственные, кто их использовал. Мы даже не уверены, что все памятники, приписываемые тамплиерам, были построены ими, и символические знаки, которые там можно разглядеть, принадлежат всем братствам средневековых строителей. Желание прочесть в камне тайное послание тамплиеров, которое они не доверили никакому письменному источнику, является просто фантазией.

Таковыми же несостоятельными являются попытки соотнесения с предполагаемой живучестью культа Изида. Как и все языческие культы, культ Изиды был запрещен императором Феодосием в 392 г. И, хотя, я соглашаюсь, что в течение какого-то времени его тайно практиковали, ничто не позволяет допустить, что он сохранился до XIII в. Допустим вероятность следующего: загадка Изиды являлась предметом посвящения. Публичный ритуал культа Изиды, такой как нам его описал Апулей, был достаточно сложен, возможно, он смог рассказать о церемонии посвящения, включавшей несколько ступеней. Непонятно, как это было достаточным для поклонения Изиде — плюнуть на распятие.

Катары

Более серьезной может показаться диссертация, которая пытается соотнести секретную доктрину Храма с катарской церковью, и не стоит удивляться, что она была успешно защищена. Процесс над тамплиерами начался всего спустя 63 года после костра в Монсегюре, где погибли вовсе не все катары. Еще в начале XIV в. инквизиция продолжала заниматься ими.

Данное предположение построено, в основном, на двух аналогиях, которые кажутся мне достаточно спорными:

— опущения в мессе слов: по признаниям, полученным инквизицией, это также практиковалось священниками, тайно принявшими катарство (однако, не надо думать, что их было много); но мы уже видели, что у тамплиеров это не было обычной практикой и что ее выполнению не придавалось никакого значения; — отказ катаров от символа креста, символа казни, и утверждение, что Бог не мог умереть: сходство есть, но еще нигде не было сказано, что катары предписывали плевать на крест. Далекие от того, чтобы отрицать Христа, они почитали в нем небесное существо, охотно называли его Богом или Сыном Божьим и лишь отрицали его воплощение во плоти. Напротив, тамплиеры отрицали в Иисусе Господа, но не человека. Аналогия далеко не убедительна.

Этому тезису противоречат к тому же следующие замечания.

Прежде всего, как я уже это сказал, мы не встречаем у тамплиеров никакого посвящения, которое могло бы потребоваться для принятия новой веры, никакого образования, сопоставимого с тем, которому катары законно придавали такое значение.

Во-вторых, заметим, что если орден впал в катарскую ересь, то произошло это задолго до процесса. Но для этого было бы не достаточно допустить временное влияние нескольких преследуемых катаров, нашедших пристанище в ордене Храма, и следует предположить, что его руководители уже давно перешли в катарскую веру. Однако не кажется, чтобы во время гонений на катаров орден, даже скрытно, выступал на их стороне.

Заметим к тому же, что инквизиторы проявляли большую бдительность в отношении доктрины и практики катарской церкви: это был наиболее часто встречающийся предмет их исследований. Как же судьи в Сансе не подумали установить связь между ересью, которую они только что открыли, и той, которая была им так хорошо знакома? Мы не видим ни одного вопроса, ни одного намека, которые позволили бы думать, что аналогии, найденные так поздно нашими историками XIX или XX в., удивили бы дознавателей или просто привлекли бы их внимание.

Наконец, и это главное препятствие, катары соблюдали жизненное правило, столь отличное от жизни тамплиеров. Храмовники вовсе не соблюдали обет бедности и их богатство возмущало; они чрезмерно много ели и пили, в противоположность аскетам Монсегюра. Исключение общения с женщинами не может рассматриваться как общая характеристика, иначе пришлось бы подозревать в катарской ереси все религиозные ордена! Более того, тамплиеры, в отличие от катар, соблюдали церковные обряды, присутствовали на мессе, исповедовались и особенно практиковали соборование. Известно, что у катар существовало одно таинство, но самое главное, «*consolamentum*», даваемое умирающим, без которого они не могли достигнуть благодати. Даже если отправляя мессу они разыгрывали комедию, тамплиеры, перешедшие в катаризм, не могли бы обойтись без «*consolamentum*». Однако Моле и Шарне умерли по -христиански и никогда никто из братьев ордена не просил ни о какой другой помощи перед смертью, кроме помощи католического священника.

Я уже обращал внимание на это существенное различие в отношении к смерти: у катар не отказывались от своей веры, даже если за это надо было взойти на костер. Конечно, среди них тоже были трусы и колеблющиеся, но потрясает число тех, кто принял смерть с радостью. Именно ка-тарская церковь насчитывала бы самое большое

количество свидетелей защиты, которые позволили бы себя уничтожить. А среди высших руководителей воинствующего ордена не нашлось ни одного, кто последовал бы примеру мучеников Монсегюра* Я не могу в это поверить.

Манихейцы и гностики

Инквизиторы, мало осведомленные в истории религии и одержимые св. Августином, обвинили катаров в манихействе. В действительности и, две доктрины далеки от того, чтобы их можно было спутать, за исключением фундаментального дуализма. Но нельзя ли, в частности, говоря о тамплиерах, вспомнить о манихейских влияниях, приобретенных на Востоке? Все можно предположить, но затем надо бы найти и какие-либо доказательства, а я не обнаруживаю никаких следов манихейского дуализма в признаниях тамплиеров, никакого манихейского воспитания в ордене.

Предполагали, и это более правдоподобно, что в Средние века продолжали существовать некоторые тайные секты, вышедшие из гностицизма (что снова нас приводит к катарам). Полагают, что именно в такие секты вступил Данте до того как вернулся в католическую веру: такой смысл заложен в «темном лесу», где он блуждал, по его признанию, до тех пор, пока теология, которую символизирует Беатриче, не вывела его на «прямой путь». Утверждали, что Данте тайно вступил в орден Храма. Это утверждение мне кажется слишком смелым. Ему приписывают симпатии к ордену только потому, что в XX главе Чистилища он намекает на преступление Филиппа Красивого.

Каким бы не был личный случай Данте, воинам -банкирам Храма весьма далеко до этого эрудита. Гностицизм — это философская доктрина, впитавшая неоплатонизм, весьма сложный и даже смутный: вступление в секту подобного рода требовало долгого посвящения. С какой бы стороны мы не искали, мы все время сталкиваемся с этим отсутствием образования: все происходит так, как будто после отречения от Христа ничто не имело значения. Гностики относили спасение души к поиску открывшейся мудрости, и

* Монсегюр — неприступная крепость Южной Франции, последний оплот катаров. В 1244 г. королевские войска после долгой осады заставили крепость капитулировать: около 200 катаров сожгли после сдачи крепости. (Примет, ред.)

сложно представить, что магистры Храма отказали братьям в этом знании, являвшемся необходимым условием спасения.

Ислам

Мы исчерпали западные гипотезы, может быть нам повезет больше на Востоке? В силу пребывания ордена Храма на Востоке и длительных контактов, которые были этим вызваны, предполагали, что тамплиеры попали под исламское влияние. Но здесь необходимо оговориться.

Крестоносцы, и особенно те, кто остался жить в Палестине, не проводили все свое время в борьбе с неверными. В силу обстоятельств, устройств христианского королевства в Иерусалиме повлекло за собой необходимость адаптироваться в стране и поддерживать мирные отношения. С первого момента существования королевства, Фульхерий Шартрский, капеллан короля Балдуина I, писал:

«Жители Запада, вот мы и превратились в жителей Востока. Вчерашний француз или итальянец, перенесенный на новую почву, превратился в галлилеянина или палестинца. Житель Реймса или Шартра превратился в горожанина Тира или Антиохии. Мы уже забыли место нашего рождения. Отныне один обладает здесь домом и челядью ... другой взял в жены сирийку или армянку, иногда даже крещеную сарацинку и живет с целой прекрасной семьей местных жителей. Мы пользуемся по очереди различными языками этой страны... Зачем нам возвращаться на Запад, если на Востоке исполняются все наши желания?».

Они не проводили свое время в самоистреблении. Когда они сражались, они вкладывали в это страсть, и здесь тамплиеры были первыми. Но борьба не мешала взаимному уважению, вежливым отношениям, куртуазному поведению. Так, в битве под Яффой Ричард Львиное Сердце потерял коня, Малик -аль-Адил, брат Саладина, заметил это, и тут же послал ему двух арабских скакунов, считая, что не подобает королю сражаться пешим. Несколько позже, когда тот же Ричард заболел, сам Саладин послал ему персики и шербет.

Крестовый поход Ричарда Львиное Сердце создал предпосылку для попытки найти политический компромисс, к которому тамплиеры тоже имели отношение: собирались выдать замуж за Малик -аль-Адила родную сестру Ричарда, Жанну Сицилийскую, чтобы установить длительный мир между соседями. Но проект провалился из-за разницы религий.

Короче, тамплиеры, как впрочем и сами короли Иерусалима, старались противопоставить кровопролитной войне политику мирного сосуществования, а крестоносцы, прибывая из Европы, плохо понимали это стремление заключать договоры с религиозными врагами. Можно ли из этого сделать вывод, что было влияние ислама, религиозное взаимопроникновение? Ничто не позволяет так считать, и мы даже имеем доказательства обратного.

Во времена короля Балдуина II, посол султана по имени Усама ибн Мункыз был принят в Иерусалиме и получил по этому поводу разрешение помолиться в мечети, занятой тамплиерами. Этот посол рассказывает, в своих воспоминаниях, как один тамплиер показал ему изображение Богородицы с младенцем и сказал: «Вот Бог, когда он был ребенком». И добрый мусульманин добавляет: «Да будет превознесен Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту». Такие отношения вовсе не позволяют представить исламизацию ордена.

Правда, во время процесса один из свидетелей скажет: «Мне известно из надежных источников, что многие султаны были приняты тамплиерами и что рыцари позволяли им даже молиться их суевериям и взывать к Магомету». Факт нельзя отрицать, но речь шла об

обходительном жесте, доказательстве терпимости: невозможно усмотреть в этом увлечения исламом.

Единственным показателем мусульманского влияния можно считать только определение «пророк» в отношении Иисуса Христа, присутствующее в некоторых рассказах об отречении. Альбер де Карнели говорит, что его принуждали отречься от Христа, который был всего лишь «лжепророком»; Жан де Баали уточняет, что ему сказали: «Плюнь на пророка!». Слово часто повторяется в показаниях. И, все -таки, было бы сложно усмотреть в этом, что либо кроме формулировки, отрицающей божественное происхождение Иисуса и извлечь из этого аргумент, свидетельствующий о присоединении тамплиеров к вере Корана.

Проблема остается в том же: если мы и видим, что тамплиеры отрекались от Иисуса, мы нигде не встречаем свидетельств того, что они заменили христианство на другую религию. Они вовсе не ведут себя как мусульмане, они едят свинину и пьют вино; они исполняют христианские обряды, не только на публике, но и в частной жизни, они празднуют христианские праздники и показывают глубокое почитание Девы Марии. Однако глубокое влияние ислама должно было бы выразиться в каких -либо действиях, каких ни будь особых обрядах: но об этом вопрос нигде не ставился.

И, безусловно, нельзя считать доказательством этого, якобы существовавшего, исламско-христианского синкретизма, поклонение «бафомету». Например, пытались, раскладывая слово «бафомет» (baphomet) найти в нем соединение имен Иоанна Крестителя (Jean-Baptiste) и Магомета (Mahomet)*. Упоминание о Крестителе могло напомнить о мандейцах (mandeans), но их влияние всегда было ничтожным и ничто не позволяет думать, что во времена крестовых походов они все еще существовали в Сирии или в Палестине. К тому же тамплиеры не почитали как -то особенно Иоанна Крестителя, самым почитаемым, помимо Девы Марии, был апостол Иоанн. Кроме того, не надо забывать, что «бафомет» — это идол, изображение, предмет; речь идет не об абстрактном символе, но о «бафометовском изображении». Мне сложно вообразить, чем могло являться совокупное изображение Крестителя и Магомета. В любом случае, вряд ли оно склонило бы нас в сторону влияния Ислама, который наоборот запрещал любое фигурное представление божества и его пророков.

Ассасины-убийцы

Упоминая об этой секретной доктрине, действительно еретической, нельзя ориентироваться на то, чем она пыталась казаться. Речь не идет о полном переходе в ислам, но только о тайном влиянии мусульманской секты, являвшейся, в свою очередь, диссидентской. Упоминали о секте ассасинов или убийц, о существовании которых говорится только в книге Марко Поло, тогда когда ее уже больше не существовало. Именно Марко Поло мы обязаны неточным переводам названия «Старец горы» (Шейх -эль-Ибель).

Разве наличие некоторых, поверхностных аналогий позволяет говорить о таком сближении? Именно во времена создания ордена Тамплиеров основатель секты, Хасан, поселился в крепости на Кавказе, но это совпадение не позволяет установить какую -либо связь между этими двумя событиями. Члены секты носили белый плащ, я с этим согласен, но заметим, что на Востоке это не является характерным знаком.

Установлено, что, завоевав Сирию, секта вступила в контакт с тамплиерами, как и со всеми христианскими властями: благодаря ее помощи король Балдуин II в 1129 г. чуть

* Также пытались читать справа налево: TEMpli, Omnium Hominum Pacis ABbas, здесь усматривали Ба-фо, порт на Кипре. (Примеч, авт.)

было не овладел Дамаском. То, что христиане пытались использовать раздоры в мусульманском мире, являлось всего лишь дипломатической тактикой. Непонятно, что могло заинтересовать тамплиеров в задачах секты, которая стремилась, в основном, свергнуть султана в Исфахане и создать в Иране государство исмаилитов. Однако все эти планы рухнули из-за нашествия монголов, которые в 1265 г. сожгли крепости «убийц» и убили последнего Старца горы.

Так как библиотека «старца» тоже погибла во время пожара, нам немного известно о секретной доктрине ассасинов, что позволяет строить любые предположения. Что доктрина существовала — это очевидно, и она соотносилась с движением исмаилитов, которое само вышло из шиизма: это одновременно некий вид неоплатонизма и мессианизма, отвергающий букву Корана и стремящийся придать ему символическое толкование. Все это достаточно смутно и не позволяет узнать, чем секта в точности отличалась от движения исмаилитов вообще. Но и у ассасинов присутствовало знание, обсуждение текстов, достаточно долгое посвящение, короче, все то, что как раз, кажется, отсутствовало у тамплиеров.

Секта особенно известна своими преступными методами (откуда и произошло наше слово «assassin» — «убийцы»). Мы не встречали сведений о том, что тамплиеры злоупотребляли гашишем, ни о том, чтобы они совершали по приказу и фанатично убийства кинжалом. Короче, некоторые отношения добрососедства вовсе не позволяют делать заключение о философском влиянии и, тем более, о совместных действиях. Уничтожение секты в 1265 г., уход ордена тамплиеров на Запад, безусловно, положили конец этим отношениям. Было бы, очевидно, абсурдным делать из Жака де Моле исмаилита.

Доктрина всеобщего братства

Не столько благодаря прямому религиозному влиянию, сколько влиянию философскому, тамплиеры могли прийти к мысли о некоем всеобщем единстве людей, несмотря на различия в вере. Они могли бы стать первыми проповедниками всеобщего братства, терпимости и в некотором роде провозвестниками нашего XVIII в. Именно, благодаря этому идеалу (приписываемый ордену Храма безосновательно), движение франкмасонов символически и соединяет себя с тамплиерами. Представим на мгновение, что их постоянные связи с мусульманами, развиваясь, побудили бы магистров Храма создать такой идеал, и проповедовать глубокую религиозную философскую терпимость, основанную на всеобщей любви к роду человеческому. Очевидно, что такое стремление должно было остаться тайной, так как оно радикально противоречило амбициям Пап и особенно Иннокентия III, мечтавшего, напротив, о всеобщем объединении христиан против ислама. Таким образом, надо было бы допустить, что орден, напрямую подчинявшийся Папе, дошел до того, что предал своего руководителя и сотрудничал с его противниками. Такая гипотеза, для того, чтобы приобрести некую правдоподобность, потребовала бы каких-либо обоснований. Мало того, что их не существует, но эта гипотеза сталкивается со следующими основными противоречиями. Прежде всего, если такой тайный план предусматривал отказ от политики Ватикана, то он нисколько не требовал обострения религиозного противостояния. Безусловно, если представить такую ю перспективу, Иисус превратился бы просто в великого посвященного, одного из пророков, такого же, как Магомет, а не в Сына Божьего. Но, было ли тогда необходимо и уместно так акцентировать отречение от Иисуса, навязывать его жестокостью, неподготовленным умам с риском выдать секретные цели ордена? Идея подразумевает наличие духа терпимости, как по отношению к христианам, так и к другим конфессиям; она должна была привести к

тому, что Иисус стал бы частью более широкой концепции божественного, а не к тому, что от него отрекались и покрывали плевками распятие.

К тому же, эта концепция слишком опережала ментальность Средних веков и должна была предполагать такое же отношение со стороны противников. Однако даже во времена, когда Саладин делал некоторые благожелательные поступки в отношении христиан, мы нигде не встречаем доказательств тому, что он желал установить с ними длительное и глубокое взаимопонимание; напротив, он старался их изгнать из Святой земли и ему это удалось. Тот международный идеал, который приписывают тамплиерам, таким образом, потерпел бы крах: зачем бы они поддерживали этот идеал, рискуя своей жизнью после отступления на Запад, когда больше не оставалось никакой надежды претворить его в жизнь?

И более того. Если в XVIII в. существовал идеал сближения между христианами и мусульманами, искренняя политика объединения и терпимости, то мы скорее находим все это не у тамплиеров, а у императора Фридриха II Гогенштауфена. Тогда, кажется, тамплиеры должны были бы его поддержать: мы же видим, что они бы ли ему враждебны.

Серьезно увлеченный арабской культурой, как нам известно, император поддерживал постоянную переписку с мусульманскими учеными, что и привело его к глубокому религиозному скептицизму, также укрепив его враждебность к замыслам папской власти. Когда он был вынужден отправиться в крестовый поход и прибыл на Восток, он сделал это не для того, чтобы сражаться с мусульманами, а для того, чтобы попытаться заключить договор. Вопреки всем ожиданиям, он преуспел в этом и добился от султана Аль-Камила договора, по условиям которого, Иерусалим стал своего рода нейтральным и интернациональным городом, с гарантией свободы отправления религиозных культов. Концепция слишком современная для того времени, и она не могла не вызвать неодобрения со стороны Рима. Но она также не получила поддержки тамплиеров. Безусловно, этот договор не позволял им получить обратно мечеть Аль-Акса, первое помещение, где они обосновались, и которое султан не мог теперь отдать христианам. Но можно ли думать, что из-за единственного здания, каким бы символическим оно не являлось, тамплиеры резко воспротивились бы неожиданному договору, в результате чего без боя было воссоздано маленькое христианское королевство в Палестине и можно было снова защищать Гроб Господень? Не только Яффаский договор 11 февраля 1229 г. не получил их поддержки, но тамплиеры будут стараться расторгнуть его в дальнейшем. Они не присутствовали при въезде Фридриха в Иерусалим, на его коронации. Тамплиеры были взбешены и угрожали, что если император не покинет Святую Землю, отправить его в темницу, откуда он никогда больше не выйдет!

Надо ли говорить, что Фридрих был отлучен от церкви. На Западе все догадывались о чисто политических целях этой меры, а подданные Фридриха остались верны ему, вопреки Папе. Разве отношение тамплиеров не показывает, что они поддерживали политику Рима? Фридрих так хорошо это понял, что в свою очередь, пригрозил конфисковать имущество Храма в Германии и на Сицилии. Я понимаю, что тамплиеры не могли бы открыто оказывать свою поддержку императору, отлученному от церкви. Но между осторожной холодностью и открытой враждебностью существует огромная разница.

Итак, тайная цель великих магистров — надуманная гипотеза. Всякая надежда рухнула бы с потерей Акры. Хотя тамплиеры все еще оставались на Кипре, кажется, что они больше не интересуются Востоком: процесс над тамплиерами, во времена Филиппа Красивого — это чисто западное дело. Можно ли поверить, что Жак де Моле и высшие руководители ордена позволили бы приговорить и дали бы погибнуть стольким братьям во имя защиты тайны обряда, утратившего силу и отныне лишнего всякого смысла? И, конечно, если допустить, что можно установить какую-то связь между фактом, что невежественных монахов принуждали к плеванию на крест, и желанием создать над всем

разнообразием культов некий вид всеобщей религии братства или предвостерьянской философии.

Политические амбиции

Возможно ли вообще приписывать тамплиерам столь возвышенные и бескорыстные стремления? Говорят, что, благодаря своей мощи и богатству, они стремились завоевать господство над миром: возможно их цель была более материальна чем духовна. Тогда становится понятным, почему они не пожелали позволить императору Фридриху II осуществить то, к чему они стремились сами.

И здесь надо уметь делать различия. Благодаря международному характеру ордена и привилегиям, которыми он пользовался, тамплиеры повсюду представляли собой, а особенно во Франции, настоящее государство в государстве, державу, неподвластную монархам. Эта опасность не ускользнула от внимания советников Филиппа Красивого, которые создавали абсолютную монархию. Для короля разрушение такой державы являлось задачей гораздо более серьезной и закономерной, чем овладение богатствами ордена.

Филиппа Красивого считают монархом, победившем в Ананьи светское могущество Пап. По правде говоря, в основном, он воспользовался благоприятными обстоятельствами: претензии Рима на всемирное господство над христианским миром, достигшие наивысшего расцвета при Иннокентии III, были подорваны императором Фридрихом II. Сам Фридрих II оказался побежденным в этой долгой борьбе империи и папства, поскольку после его смерти в 1250 г. оказалось невозможным найти ему преемника. Но и папская власть вышла из этой борьбы очень ослабленной, и, когда Бонифаций VIII, некоторое время спустя, после внутренних проблем в Церкви, захочет продолжить политику Иннокентия III, будет слишком поздно. Филипп Красивый будет только таскать чужими руками каштаны из огня, положив конец конфликтам и с опозданием осуществляя задачу императоров.

Какую роль сыграли тамплиеры в ходе этой борьбы, которая пронизывает весь XIII в.? Внешне они находились на стороне Папы, которому подчинились. Отрекшись от них, Климент V, таким образом, лишает самого себя инструмента полезного для своей борьбы. Но во времена Климента V папская власть, ослабленная и даже изгнанная из Рима, отказалась от властных амбиций прошедшего века, не имея и средств к их осуществлению. Отказываясь от помощи тамплиерам, Климент V, в действительности, лишился всего лишь орудия, ставшего неэффективным, а рхаичным и морально устаревшим.

Остается только узнать, не пытался ли орден тамплиеров, именно в силу ослабления папской власти, вести свою собственную игру. Тамплиеры, чьи отделения находились по всей Западной Европе, обладая существенной финансовой мощью и военной силой, не мечтали ли об установлении некоего тайного, надгосударственного правительства, некий вид «синархии» (совместное управление)? Однако, можно вообразить это стремление в двух формах: либо как попытку, повторяющую, по-своему, папскую программу, которая ставила целью только христианское господство; или, все-таки, она была направлена и на мусульманский мир. Но, в этом случае, необходимо было бы найти, с другой стороны, аналогичную организацию, обладающую столь же мощными средствами. Секта ассасинов, возможно, могла бы сыграть такую роль сообщника, но она исчезла в 1265 г. и не имела преемника. Мы плохо понимаем как тамплиеры, особенно с момента потери Палестины, могли вынашивать такие планы в отношении мусульманского мира, безусловно разьединенного, но совершенно избежавшего христианского влияния. Допустим, однако, что они ограничивали свои амбиции христианским миром.

Мне кажется, что эти гипотезы, несущие отпечаток современной истории, все-таки не объясняют ересь тамплиеров: зачем нужно было, чтобы втайне овладеть христианским миром, заставляя, прежде всего, отречься от Христа? Конечно, можно было бы предположить, что когда эта цель была обнаружена, процесс превратился просто в комедию, предназначенную свергнуть сомнительных противников, не раскрывая их настоящих намерений. Но совсем иное впечатление дает чтение документов процесса; судьи очень серьезно относятся к вопроснику, речь действительно идет о религиозном процессе, важность которого для вопросов веры и ортодоксальности очевидна для ведущих следствие. Ничто, абсолютно ничто, не позволяет предполагать, что процесс имеет тайную подоплеку, и факт отречения от Христа присутствует в слишком большом числе признаний, полученных без насилия, что не позволяет рассматривать его в качестве простого предложения.

К тому же, в гипотезе тайного плана мирового господства, тайна была необходима для успеха предприятия. Зачем же добавлять в него учреждение абсолютно бесполезного ритуала, который мог лишь привлечь внимание к подозрительному характеру ордена? Кажется, эта странная церемония совсем не способствовала укреплению послушания монахов-солдат, и так достаточно гарантированного торжественной клятвой, а этот ритуал забывался после вступления. Нельзя судить об этом, рассуждая как современные люди. В те времена веры и легковерия, когда дьявол присутствовал постоянно, страх проклятья был сильнее страха смерти: религиозная клятва связывала узами более надежными, чем принуждение к ритуалу, который мог лишить вечного спасения и поэтому приводил в ужас братьев, вступающих в орден.

Все это действительно несостоятельно.

Параллельная иерархия и секретные уставы

Итак, мы могли бы оставить эти химеры, не только слишком маловероятные, но противоречащие историческим данным, если бы они не нашли некое подобие подтверждения в тезисе достаточно курьезном и очень романтическом, который завоевал некоторое доверие, (правда теперь его уже никто не поддерживает): тезисе о параллельной иерархии.

Многие писатели были потрясены несостоятельностью Жака де Моле в течение всего процесса, безвольным и ничтожным характером этого персонажа: как управление столь мощной организацией было доверено человеку, столь недостойному своих задач? Именно отсюда, безусловно, и родилась эта идея: а не был ли Моле всего лишь марионеткой, статистом, предназначенным скрыть настоящего тайного магистра ордена? Что если известные руководители, трусливые и кажущиеся невежественными, представляют только фасад, а настоящая иерархия осталась тайной? Смелая гипотеза, надо признать, но мы постараемся ее поддержать.

Сначала вспомним странное заявление Жоффруа де Гонневилья на его первом допросе. Речь идет об одном из главных руководителей ордена, поэтому нельзя приписать это заявление ошибке или неведению. Итак, Гонневиль сказал, объясняя отречение от Христа: «Есть некоторые, кто считает, что это было одно из плохих и извращенных введений в уставы ордена магистра Ронселена». Будет отмечено, что Гонневиль, который, однако, должен был знать, о чем говорит, ограничивается пересказом анонимного суждения. Но это суждение еще более удивительно, если вспомнить о том, что в списке великих магистров ордена, который нам известен (см. приложение), не фигурирует никакой Ронселен и, что в уставах, которыми мы располагаем, также не фигурирует никакое «добавление», касающееся плевания на крест.

Однако, Ронселен вовсе не является неизвестной личностью: один Ронселен дю Фо, провансальский рыцарь был принят в орден в 1281 г. магистром Гильомом де Боже. Кажется, он не поднимался по иерархической лестнице, но это может придать некую правдоподобность гипотезе о второй, параллельной и тайной иерархии. Среди свидетельств, собранных в Англии, куда более свободных и независимых, чем во Франции, фигурирует заявление, сделанное тремя английскими братьями: «В действительности в Храме существуют два вида приема: первый касается вступления и проходит без какой либо предосудительной церемонии, вторая церемония, очень тайная, которая происходит только несколько лет спустя, и которой удостоиваются только некоторые». Если не считать, что эта разница присуща английскому ритуалу и является существенной, это могло бы заставить задуматься о наличии тайной группы внутри самого ордена.

Что касается уставов, можно полагать, что вне рамок официального устава, всем известного, мог существовать другой, тайный. Действительно, даже во Франции, мэтр Рауль де Прель, адвокат, уверял, что получил от одного тамплиера, брата Жерве де Бове следующее признание: «В ордене существовал столь необычный регламент, который держался в такой тайне, что любой предпочел бы скорее позв олить отрубить себе голову, чем выдать его». По словам свидетеля, брат Жерве «имел книжечку со статутами ордена, которую он охотно показывал, но он имел другую, более секретную, которую за все золото мира не показал бы никому». Свидетель, однако, не объясняет, по какой причине был удостоен такого признания. К тому же распространение подобных «книжек» казалось бы достаточно подозрительным, если бы мы не знали, что до ареста Жак де Моле постарался их уничтожить.

Как видите до этого момента — никакой точной информации.

Но в 1877 г. как гром среди ясного неба обнаруживаются тайные уставы магистра Ронселена. Вот что, действительно, было интересно. Увы! Документ является весьма сомнительным, как по своему происхождению, так и по содержанию.

Объясняют, не предоставляя ни малейших доказательств, что этот документ вроде бы фигурировал в секретных архивах Ватикана, откуда он был украден в 1780 г. епископом Копенгагена. Странное поведение для епископа, очень своевременная кража, которая хорошо объясняет, почему документ не находился в архивах Ватикана, когда Наполеон приказал их изъять. После чего документ был похищен, в свою очередь и у епископа, при весьма загадочных обстоятельствах. Следы этого ценного произведения затерялись до его счастливого обнаружения в Гамбурге в 1877 г. Автор этого сценария является одним из неизвестных предтеч шпионских романов.

Однако, взглянем на содержание. Документ озаглавлен: «Здесь начинается книга крещения огнем и тайных уставов, составленных магистром Ронселеном». Но, вместо ожидаемых сенсационных разоблачений, мы читаем всего лишь несколько банальных правил против болтовни и невежества. В общем, ничего, что заслуживало бы быть названным «крещением огнем», если не считать важного заявления, которое могло бы сойти за изложение масонской доктрины всеобщего братства:

«Знайте, что Господь вовсе не делает различий между людьми, христианами, сарацинами, евреями, греками, римлянами, франками или болгарами, ибо всякий человек, который молится Богу, спасен».

Если это действительно было написано в XIII в. в ордене, задачей которого было бороться против неверных, можно было бы подумать, что тамплиеры на несколько веков опередили философов эпохи просвещения. Слишком большое опережение во времени, чтобы быть правдоподобным! Очевидно, что произведение было составлено гораздо позже, чтобы подтвердить преемственность между тамплиерами и вольными каменщиками. Хотелось бы, чтобы документ был подвергнут анализу каким-либо специалистом службы подделок, но что с ним вообще стало? Ручаемся, что он должен был быть украден в третий раз.

Самое удивительное, что эти, так называемые, уставы сами себя изобличают, так как в них написано: «Секретные уставы никогда не будут переведены и никогда не будут отданы в руки братьев». Тогда, откуда эта версия и как получилось, что брат Жерве де Бове имел их экземпляр?

К тому же, даже если в ордене существовала параллельная иерархия, секретная доктрина и тайные уставы, это не объясняет нам, каким образом Ронселен, этот загадочный персонаж, смог навязать ордену такие глубокие преобразования. Ему понадобилось бы согласие магистра Гильома де Боже, который умер при осаде Акры, не оставив каких либо инструкций. Таким образом, реформа ритуала приема в орден с принуждением плевания на крест не могла быть творением тайного магистра, необходимо было получить поддержку Совета, чтобы изменить правила. Смог ли Ронселен переубедить всех руководителей?

И, наконец, известно, что другие братья приписывали введение извращенного ритуала «плохому магистру» Тома Берару: он умер в 1272 г. за девять лет до приема Ронселена. Все это не слишком хорошо согласуется.

Однако, существование тайного устава вполне вероятно: о нем говорят многие свидетели и, очевидно, именно его Моле старался уничтожить перед арестом. Что касается содержания секретных уставов, мы можем строить только гипотезы: Моле и высшие руководители, которые их знали, ничего не рассказали по этому поводу.

Гораздо меньше я верю в существование параллельной иерархии. Нигде нет свидетельств, что существовало два последовательных приема в орден, второй из которых был тайным и предназначенным для избранных, как рассказывают об этом братья из Англии. В таком случае, зачем вводили столь опасный и бесполезный обряд в обыкновенную церемонию приема в орден, предназначенную для всех? По словам тех же свидетелей обычный прием проходил «без какой-либо предосудительной церемонии». Во Франции было иначе, если бы все обстояло как в Англии, возможно, не было бы процесса или, по крайней мере, приговора. Версия трех английских свидетелей кажется нам гораздо более логичной, но именно она делает еще более непонятным введение предосудительного ритуала в общий обряд приема. Возможно, различные формы встречались и в Англии.

Я сильно сомневаюсь, что Ронселен мог быть тайным магистром: как же Гонневиль так легко выдал такой секрет, а потом замолчал на семь лет? Я охотнее поверил бы в то, что он старался направить следователей на ложный путь. И, наконец, если существовала параллельная иерархия, настоящая, чем она занималась во время всего процесса? Нигде не видно, чтобы тайные руководители стремились оказать хоть малейшую помощь узникам, и тем более защитить орден от опасности. Не могли ли они, в нужный момент, обратиться к Клименту V? Нас хотели бы заставить поверить, что их единственной заботой была эвакуация архивов и богатств, после чего они исчезли, не оставив следов. Нет, действительно, я не смог бы принять столь легковесные объяснения.

Ускользающая правда

Итак, мы должны признать, что мы не способны узнать правду, которая ускользает от нас. Все объяснения кажутся надуманными и случайными. Остается голый факт отречения от Христа и плевания на крест. Следователи, в основном, стремились к установлению этого факта, который им казался достаточно убедительным сам по себе, и они мало беспокоились о его объяснении. Высшие руководители ордена отказались отвечать комиссии и умерли, унеся свою тайну в могилу. Если случайно не обнаружатся архивы храма (если они не были уничтожены), вполне возможно, что мы никогда не узнаем истинной подоплеку дела.

Но один факт остается непреложным, вне всяких сомнений — это факт наличия ереси, какой бы она не была. Основные, главные обвинения являются вторичными или не существенными, и только отречение от Христа образует базу процесса. Но этот факт оказался, сам по себе, достаточно серьезным чтобы обосновать уничтожение ордена и казнь людей: а разве могло быть иначе? Понятно, что Филипп Красивый был потрясен подобными признаниями, что Папа, после долгих колебаний, решился распустить погрязший в грехах орден. Один историк, однако, чрезвычайно симпатизирующий тамплиерам, сделал следующее заключение:

«Уж слишком многочисленными, слишком согласованными по сути, слишком точными и детальными воспоминаниями кажутся эти признания при чтении, нельзя не поверить, что обвинение, выдвинутое против тамплиеров не имеет какой либо основы: обвинители сознательно нанесли удар... Тогда нужно допустить, что уязвимость ордена в этом была реальной... интригующая тайна оставалась, и, в конечном итоге, именно из-за нее орден и был осужден» (*Раймон Урсель: «Тамплиеры»*).

К такому же, очень близкому, мнению приходит герцог де Леви-Мирпуа: «После того как мы пытались пролить как можно больше света на разнообразные и противоречивые аспекты этого темного дела, решение, принятое Климентом V, кажется нам разумным и мудрым» (*«Унижение в Ананьи», 1969, с. 289*).

XI. КОНЕЦ ДЕЛА

Объемное досье комиссии, которое я только что коротко изложил, с его пробелами и повторами, было передано Папе, который должен был собрать по этому поводу церковный собор. Отложенный из-за затянувшегося расследования, этот церковный собор открылся 13 октября 1311 г. в Вьенне, в имперском городе, принадлежащем императору Германии, но расположенном недалеко от Франции и близко к Авиньону.

Церковный Собор

Было не слишком удобно собрать в столь маленьком городе такое внушительное собрание, и сложно представить то количество народа, которое скопилось в этом маленьком, провинциальном поселении, ставшем на семь месяцев столицей христианского мира.

Прежде всего, это был Папа со своей свитой и близкими, персонал папской курии (от докторов канонического права до простых писцов), хранители казны (необходимой для оплаты расходов) и маленькая папская армия. Затем, конечно, кардиналы с их пышным сопровождением. Не все приглашенные прелаты прибыли, и Папа был этим разгневан. Но, все-таки, прибыло 114 церковных иерархов, среди которых были патриархи Антиохии и Аквилеи, итальянцы, испанцы, ара-гонцы, несколько англичан и германцев и около пятидесяти французов, конечно, все со своей свитой. Приехали и аббаты, монахи, чье число нам не известно, но было, возможно, достаточно большим. Со стороны светских властей большинство государей уклонились, как, например, король Арагонский, или им помешали, как, например, королю Англии; но все отправили своих послов, сопровождаемых роскошным эскортом. И, наконец, 1500 воинов, для поддержания порядка, и толпа верующих, паломников, торговцев, ростовщиков и менял, а возможно и проституток, привлеченных таким потоком мужчин без женщин. В узких улочках маленького города расположилась настоящая ярмарка!

Вопрос о тамплиерах был не единственным в повестке дня, обсуждалось много других проблем. Seriously обсуждали даже проект крестового похода, но без особого энтузиазма.

Однако с самого начала стало ясно, что дело об ордене Храма важнее всех других проблем. После церемонии открытия и вежливых приветствий Климент V, как известно, «пересказал весь процесс». Затем, дело было вновь отправлено на изучение в комиссию и в течение нескольких месяцев, казалось, ничего не происходило, что не замедлило наскучить толпе. Комиссии работали без проблеска и все ждали прибытия короля Франции, в отсутствие которого, кажется не могли начать публичное обсуждение.

В комиссии вскоре возникла серьезная проблема: надо ли основывать решение только лишь на документах, переданных комиссией из Санса, или надо снова начинать обсуждение и еще раз проводить следствие по делу? Для многих эта потеря времени и денег казались бесполезными, но, вдруг, в октябре произошло неожиданное событие: сначала семь рыцарей Храма, а затем еще двое других, желая за щитить орден, предстали перед комиссией и попросили, чтобы их выслушали. Этот приезд, а еще больше вымыслы, которые он породил в толпе, жаждущей в накалившейся обстановке новых сведений, наделал много шума. Утверждали, что в окрестностях города собралась армия в две тысячи рыцарей Храма, готовая идти на штурм! Безусловно, это была неправда, но своего рода безумие начало овладевать умами, разогретыми суетой стольких людей, которые беспрестанно общались между собой и распространяли самые необоснованные слухи. Чтобы избежать беспорядков, Климент V приказал арестовать девять прибывших тамплиеров. Это ставят ему в упрек, не понимая, что это было единственным средством обеспечить их безопасность. Ведь толпа была очень враждебна к тамплиерам, и каждый человек знал об ужасных преступлениях ордена.

А затем снова ничего не происходило и время тянулось в обстановке праздников и церемоний, приездов и отъездов известных персонажей: так как многие из них, даже прелаты, устав от бездеятельного ожидания, предпочитали вернуться домой, куда звали их другие заботы. Наконец, в марте прибыл король Франции в сопровождении своего двора и принцев и, безусловно, с небольшим вооруженным войском. Возможно ли, будет, наконец, начать процесс против тамплиеров?

Роспуск

У Климента V было время хорошенько все обдумать. Инцидент с девятью тамплиерами, увертки комиссии вызывали опасения, что церковный собор не решится на возобновление следствия. К тому же, он знал, что обвинения обоснованы и, что публичное обсуждение причинит Церкви существенный вред. Помимо огромных расходов, которые надо было предвидеть, разве не стоило опасаться волнений в маленьком, перенаселенном городе, где инциденты уже происходили все чаще? Таким образом, он стремился избежать публичного скандала. 22 марта Папа созывает консисторию, которая его поддерживает, и решает разрешить вопрос сам, своей властью, не дожидаясь мнения церковного собора.

В этом всегда стремятся увидеть доказательство недобрых намерений Папы. Ничего этого нет: учитывая досье, он уверен, что признания, полученные в Сансе будут повторены в Вьенне, но ценой какой потери времени и какого скандала? Собор длится уже почти шесть месяцев, он стоил довольно дорого и многие желают, чтобы все поскорее закончилось. Папа болен и спешит закончить с этим изнурительным делом, из которого ничего хорошего для Церкви выйти не может. Принимая самостоятельное решение, он полагает, — и возможно разумно — избежать худшего. Иначе говоря, следуя своей привычной методике, он пытается ограничить скандал, которого уже не смог избежать и который, с его точки зрения, слишком затянулся и вызвал слишком много суеты. С юридической точки зрения, решение законно, так как орден Храма подчиняется только Папе. Конечно, лучше было вообще не созывать этот собор! И кто знает, что может из

этого получиться? Возможно, костры прямо в городе! Но это вовсе не то, чего желает Климент V.

Таким образом, при возобновлении работы, приостановленной на пасхальные праздники, на пленарном заседании в понедельник 5 апреля 1312 г., Папа зачитывает буллу «*vox clamantis*», которая положила конец существованию ордена Храма. Однако это ни для кого не было сюрпризом, так как в течение нескольких дней весь город уже в курсе, секрет консистории хранили плохо. Никакого возмущения не последовало, а вовсе наоборот: на этот момент все поддерживали решение и считали, что Папа поступил умело. Только епископ Валенсии, сочувствовавший обвиняемым, заявил, что сожалеет, ибо такое решение смешивает виновных и невинных, но согласился, что решение справедливо, так как орден *«согрешил распущенностью»*. Это самое малое, что можно было сказать.

Кажется, в то время никто не решился на игру слов, которую придумают будущие историки, переделав «*VOX CLAMANTIS*» в «*VOX CLEMENTIS*».

Еще раз интересно показать, как Папа объясняет свое решение:

«учитывая плохую репутацию тамплиеров, подозрения и обвинения, предметом которого они являются; принимая во внимание, как и каким загадочным образом, принимали в этот орден, дурное и неприличное христианину поведение многих его гленов; принимая во внимание клятву, требуемую от каждого из них, нигде не говорить об этом вступлении и никогда не выходить из ордена; принимая во внимание опасность, которой подвергаются вера и души, а также ужасные преступления огнь большого гисла гленов ордена.

Мы упраздняем, не без горечи и лигной боли вышеназванный орден тамплиеров и отменяем его устав.

Было бы напрасно говорить, что булла не является приговором, что орден был распущен, но не был осужден: «опасность, которой подвергаются вера и души», «не приличное христианину» поведение, утверждение об «ужасных преступлениях», это именно и есть термины обвинения. Но решение, прежде всего, является решением церковного руководителя, обеспокоенного опасной ситуацией, и чьей наипервейшей заботой является желание положить всему этому ко нец. Кроме того, когда речь шла о судьбе ордена, самым тяжелым решением могло быть только решение о роспуске. 2 мая другая булла будет посвящена передаче имущества ордена ордену госпитальеров. Если король Франции действительно рассчитывал на наследство, он грубо ошибся; но трудно поверить в то, что его юристы рассматривали возможность получения светской властью церковного имущества. Им только останется спорить из-за мелочей с госпитальерами, чтобы отдать как можно меньше имущества, на которое был наложен за прет, раздувая расходы за управление им.

Судьба людей

Однако еще не все было закончено: и если судьба ордена была решена, оставалось осудить людей. Этим и займутся, но, уже не имея возможности поставить под сомнение коллективную виновность. Однако все высказываются в пользу прощения и рыцари получают небольшие наказания, как максимум временное заключение.

Но тут, вдруг, вспоминают, что Папа оставил за собой решение судьбы четырех высших руководителей. Не имея возможности, из-за состояния своего здоровья заняться этим, он назначает по этому случаю новую специальную комиссию под председательством кардинала Альбано.

Именно эта комиссия, непосредственно созданная Папой, много времени спустя после закрытия Собора, будет судить в Париже 22 декабря 1313 г., Моле и троих сановников, обвиненных вместе с ним.

Дело закрыто, орден распущен: как поведут себя четверо обвиняемых? И что же, они еще раз признаются, как и всегда. Они повторяют свои предыдущие признания, в частности об отречении от Христа и плеваньи на крест. Процесс до 18 марта: у них есть время высказаться. Наконец, 18 марта 1314 года, Жак де Моле — великий магистр ордена, Жоффруа де Шарне — командор Нормандии, Гуго де Пейро — второй человек в ордене и досмотрщик Франции, Жоффруа де Гон-невиль — командор Аквитании и Пуату, приговариваются к пожизненному заточению. Церковь не хочет смерти грешников, и двое последних закончат свою жизнь в тюрьме.

Последний, кровавый акт

Когда кажется, что все уже закончилось, разыгрывается финальный акт драмы: Моле и Шарне неожиданно отказываются от своих показаний, заявляя, что все обвинения, выдвинутые против ордена, были лживыми, что устав Храма был справедливым и католическим и что все предыдущие их признания были неправдой.

Как объяснить такую перемену, и отчего столь запоздалую? Становясь вероотступниками, двое приговоренных знали, что будут казнены: это было автоматическое наказание, не оставляющее выбора. Они это знали и Моле заявил, что готов пойти на казнь.

Это поведение в конце производит сильное впечатление на историков, но оно ничего не объясняет и не может перечеркнуть всего содержания досье. До этого момента, и даже перед комиссией, которая выслушает их отречение, поведение де Моле и де Шарне будет достаточно жалким. Если бы они с самого начала заняли ту позицию, которую выбрали слишком поздно, их заявление имело бы гораздо больше веса; но, появившись после стольких признаний, оно вовсе потеряло возможность убедить кого-либо.

Сложно отказаться от мысли, что до самого конца Моле надеялся на счастливую развязку, милость короля и Папы. И, только когда он понимает, что безнадежно приговорен закончить свою жизнь в тюрьме, он в последнем порыве предпочитает красиво уйти: театральный жест, очень зрелищный, но не достаточный для того, чтобы перечеркнуть семь лет слабости.

Невозможно разрешить эту дилемму: либо Моле из трусости лгал в течение семи лет, позволив приговорить своих братьев и поддержав обвинение против них своими собственными признаниями и привел к поражению орден, которым руководил, — или в течение семи лет он говорил правду, но не смог вынести перспективы окончательного заточения и, ввиду своего возраста, предпочел доблесть славного конца. На следующий день, по приказу короля, двое вероотступников были сожжены на берегу Сены лицом к собору Парижской Богоматери. Моле приписывают много последних слов, но единственной фразой, которая кажется подлинной является: «Наши тела принадлежат королю Франции, но души принадлежат Богу». И еще одна двусмысленная фраза! До самого конца этот дьявольский человек останется загадкой.

Последние актеры

Что станет с другими? Многие вернутся в монастыри, некоторые вернутся к светской жизни. Только в Португалии орден выживет, изменив название и, конечно же, устав. Повсюду дело закроют и больше никто о нем не будет говорить. Было бы абсурдно напрасно искать последователей тамплиеров: «Храм оставил пример, но не оставил наследников», очень справедливо заметил Альбер Оливье.

Папа и король не надолго пережили тех, ко -считают их жертвами. Безусловно, некоторые усмотрели в этом небесное наказание, но я удовлетворюсь более разумным объяснением.

Климент V был давно болен и, насколько мы можем об этом судить, он был поражен раком желудка. Чтобы облегчить его страдания, говорят, его заставляли глотать толченые изумруды: лекарство дорогое, но вероятно неэффективное. Именно от этой болезни или от этого лекарства первый Папа, чей престол находился в Авиньоне, умер в Рокморе (Гард) 20 апреля 1314 г., всего месяц спустя после казни де Моле.

Филипп Красивый чувствовал себя хорошо, ему было всего лишь 46 лет и, казалось, что его ждут долгие годы царствования. Но во время охоты на него напал кабан и ранил. Из-за плохого лечения он умер 29 ноября 1314 года. Данте говорит, что он умер от удара свиной кожи (*di colpo di cotenna*). Небесное правосудие действительно выбрало странных исполнителей!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После столь долгого и тщательного изучения можно ли считать, что остаются сомнения по поводу виновности тамплиеров? По -моему, каким бы не было значение ритуала плеванья, он мог быть только «нехристианским», как сказал Папа. Конечно, сегодня за это бы не сожгли: Церковь вынуждена была отказаться отправлять на костер тех, кто думает не так как она, и мы рассуждаем вместе с Монтенем: «Жарить человека живым, значит слишком дорого ценить свое мнение». Но, ни Филипп Красивый, ни даже Климент V не могли быть свободны от ментальности своего времени, а тамплиеры допустили преступление, которое считалось тогда самым страшным. Еще в XVIII в. шевалье де ла Бар будет сожжен за гораздо меньшее преступление: Вольтер будет этим возмущен, но не могло существовать Вольтера в XIV в. В ту эпоху общественное мнение одобрило приговор и ставило Папе в упрек только его медлительность и слабость.

Вслед за епископом Валенсии, нам хотелось бы сделать различие, которого судьи не установили в достаточной мере, между теми, кто сознательно выполнял сам антихристианский ритуал и заставлял других, и теми бедными, непосвященными братьями, которые подчинялись угрозам, не понимая и не имея дурных намерений. Сколько таких несчастных заплатило своей жизнью за жест, который не пошатнул их веру? Трудно сказать: 54 рыцаря было сожжено в Париже 13 мая 1310 г.; остальные умерли в тюрьме. К счастью, подавляющее большинство ожидала менее жестокая участь, и они были освобождены после испытаний, войдя в орден госпитальеров.

С верховными руководителями все было иначе. Своими признаниями и даже своим молчанием эти люди признали важность жеста, тайный смысл которого они знали; они предпочли унести эту тайну в могилу, не раскрыв ее. Моле и Шарне сознательно выбрали смерть. Это было их право, но остается сожалеть, что это произошло после стольких уловок, которые создают впечатление трусости, после того, как они на семь лет покинули, смущали своих братьев и способствовали их приговору. Но эта жертва может иметь два значения: либо они сами себя считали слишком виновными, чтобы все сказать, либо они пожертвовали собой ради идеала, который считали более высоким, чем идеал Церкви. Мы хотели бы иметь возможность выбрать эту вторую гипотезу. Но каким был этот идеал, и кому он был передан? Гуго де Пейро в своем заточении, возможно, был его последним хранителем. Ничто не было спасено. Тогда зачем эта жертва?

Загадка Храма не раскрыта. Вместо того, чтобы смириться с этим незнанием, многие хотят, чтобы в трагедии непременно были предатели. Я думаю, что Папа и король искренне ужаснулись тому, что узнали и считали, что спасают церковь от великой

опасности. Но, будучи заложниками своих ролей, они преувеличили эту опасность. Ересь опасна, только если она основывается на доктрине, а мне трудно представить рыцарей храма в роли Мани, Лютера, а еще меньше Джордано Бруно или Маркса. И, если однажды какие-нибудь открытия позволят нам обрести архивы Храма, я боюсь, что историки, получив секрет, который так заинтриговал их, вынуждены будут сказать с досадой: и что, это все?

Ожидая этого, мы по-прежнему можем мечтать, воображать, например, что тамплиеры отрекались в лице Иисуса от символа невежества. Но тогда почему они не сказали об этом или не позаботились о том, чтобы передать это послание? Я в это абсолютно не верю: разве не они же равнодушно позволили уничтожить катар?

Я думаю, разумнее нам остаться на том грустном утверждении, что они сами, логично и неизбежно, были перемолоты адской машиной, которой всегда является догма, порождающая нетерпимость и преследования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список великих магистров ордена Храма

1. *Гуго де Пейен*, основатель ордена, о котором известно немного (1119-1136 гг.).
2. *Пьер де Краон*, или Робер Бургундский (1136-1149 гг.), который получил буллу «*Omne datum*», фиксирующую привилегии ордена.
3. *Эрар де Бар* (1149-1151 гг.), который спас Людовика VII в крестовом походе. Ушел из ордена, чтобы стать цистерцианцем.
4. *Бернар де Тремеле*, погиб при осаде Аскалона.
5. *Андре де Монбар* — родственник св. Бернара. Он также покинул орден, чтобы поступить в Клерво.
6. *Бертран де Бланфор*, тулузец (1156-1169 гг.).
7. *Филипп де Мильи*, сеньор Наблуса (1169-1171 гг.). Еще один магистр, который вышел из ордена.
8. *Одон, или Эд де Сент-Аман* (1171-1180 гг.). Захвачен в плен Саладином возле бр ода Иакова и казнен.
9. *Арно де ла Тур Руж*, или Торрож (1180-1184 гг.), испанец, умерший в Вероне во время путешествия.
10. *Жирар де Ридфор* (1184-1189 гг.), фламандец, захваченный Саладином и освобожденный на подозрительных условиях, вновь захвачен под Акрой и казнен как клятвопреступник.
11. *Робер де Сабле* (1191-1193 гг.), ставленник Ричарда Львиное Сердце, избранный после 18 месяцев вакантности поста великого магистра.
12. *Жильбер Эраль* (1192-1201 гг.).
13. *Филипп де Плессье* (1201-1209 гг.).
14. *Гильом де Шартр* (1209-1217 гг.), умер от чумы в Дамьетте.
15. *Пере де Монтегаудо* (1217-1232 гг.), испанец. Конфликтовал с императором Фридрихом II.
16. *Арман де Перигор* (1232-1244 гг.), убит монголами.
17. *Гильом де Соннак* (1245-1250 гг.), убит в битве при Мансуре.
18. *Рено де Вишье* (1250-1256 гг.), унижен Людовиком Святым.
19. *Тома Берар* (1256-1272 гг.), прозванный дурным магистром.
20. *Гильом де Божсе* (1273-1291 гг.), погиб в Акре.

21. *Тибо Годен* (1291-1295 гг.), перевел главную резиденцию ордена в Париж.
22. *Жак де Моле* (1295-1314 гг.).

Вольные каменщики и тамплиеры

Исторически, если не считать легенд, которые окружают движение вольных каменщиков, оно было основано в Англии в день св. Иоанна 1717 г. В 1723 г. пастор Джеймс Андерсон дал ему «Конституцию», в которой были собраны (или придуманы) рассказы и легенды, касающиеся его происхождения. По некоторым из них, Бог мог бы считаться первым масоном, потому что он создал свет. По другим, Адам мог считаться первым масоном, получившим знания от Бога по ритуалу на востоке рая. Но, если быть точнее, данный институт восходит к *Хираму* из Тира, архитектору, который построил храм в Иерусалиме для царя Соломона: вот почему большинство символов относятся к храму и к архитектуре. Затем, довольно туманно, пытаются через римских коллег плотников показать связь с сообществами строителей средневековья. Здесь не место говорить о чисто символическом характере такой связи. Заметим, что нигде речь не шла о тамплиерах.

Французские франкмасоны происходят не от английской, а от шотландской традиции. Независимо от тайных обществ, которые в XVII в. работали во имя реставрации династии Стюартов, первая ложа была основана в Париже в 1726 г. под патронажем св. Томаса Кентерберийского: имен-но из нее, после многочисленных потрясений и переделов, произошла ложа Великого Востока. Никогда и здесь не было никакого упоминания о тамплиерах.

Но в 1756 г. барон Хант создает группу раскольников в шотландской традиции, создав «исправленный» или «ортодоксальный» ритуал. Движение приживется в основном в Германии, где оно будет иметь честь иметь в своих рядах таких людей как Гете, Лессинг и Моцарт. Именно баро-Ханту, первому, придет идея установить связь между тамплиерами и масонством.

Чтобы подтвердить свою теорию, он рассказывал, что после роспуска ордена Храма, магистр провинции Овернь, Пьер д'Омон, смог сбежать с двумя приорами и пятью рыцарями, переодетыми каменщиками. Они, якобы, нашли убежище в Шотландии, где с великим командором Хамптонкурром и многими местными братьями они создали новый тайный орден, великим магистром которого был выбран Омон. Ни тени доказательств, естественно, в поддержку подобных утверждений.

Мне кажется, что легенда может не приниматься всерьез по двум причинам. Прежде всего, из-за даты основания этого секретного ордена: июня 1312 г. Безусловно, орден только что распустил Папа, но так как Жак де Моле был еще жив, было совершенно невозможно избрать его преемника. Однако, кажется, Хант полагал, что Моле уже умер, как будто бы он был сожжен в Вьенне! В другом месте нам рассказывают, что беглецы, переодетые каменщиками, именно по этой причине, выработали ритуал «масонства», назвавшись «свободными и принявшими масонами», потому, что они выбрали свободу и приняли новый устав. Но мы знаем, что символика храма и строителей имеют другое происхождение. Она была принята в 1717 г. по совершенно другим причинам. Итак, кажется, Хант пытался использовать тамплиеров только для того, чтобы оправдать свое раскольничество.

Надо ли добавлять, что не существует следов ни этого тайного ордена, ни тайных братств, которые были бы связаны со строителями соборов? Но, так как эти две версии происхождения несовместимы, они остаются немного размытыми, и

Жак де Моле продолжают почитать в ложах, как мученика свободной мысли, жертву нетерпимости, предшественника доктрины истинного братства. Это никому не может повредить, но исторически ничто не позволяет удостоивать такими почестями последнего

великого магистра Храма, который был бы сильно удивлен тем идеям, которые ему приписывают, если вообще он был способен в них что-нибудь понять.

Можно всегда сказать, что основатель ордена Храма Гуго де Пейен не случайно обосновался с разрешения короля Бодуэна II на том месте,¹ где находился храм Соломона, и усматривать в этом некое оккультное влияние. Это значило бы приписывать великое предвидение этому Пейену о будущей роли скромного ордена (в начале тамплиеров было всего девять), который он создавал для защиты паломников и который разросся только благодаря поддержке св. Бернара. У истоков возникновения ордена и то, что не предвещало его падения.

Масонский «храм» — это храм Соломона, а не ордена, чье название происходит от этого храма.

Сокровища тамплиеров

К религиозной и философской загадке Храма, для любителей тайн, прибавляется еще и тайна сокровищ. До сих пор существуют те, кто с помощью лозы, оккультных приемов, спиритизма или просто с помощью дедукции пытаются найти казну тамплиеров. Я не хотел бы разрушать их иллюзии, но найти знаменитые сокровища весьма проблематично.

Вероятно, сокровища Храма все же существуют, к тому же это слово может подразумевать как архивы, так и коллекцию ценных предметов или сундуки, заполненные золотом. Учитывая богатство ордена и, даже принимая во внимание, привычные в этой области преувеличения, имущество, захваченное Филиппом Красивым, не может представлять собой все запасы Храма: добрую их часть, безусловно, спасли от конфискации.

Я уже говорил, что если тамплиеры и не поняли в нужный момент серьезность угрозы, нависшей над ними, они, все-таки, могли быть проинформированы об опасности. Решение об аресте было принято на королевском Совете 14 сентября 1307 г., а выполнено лишь 13 октября: в этот промежуток времени неизбежно должна была быть утечка информации. Мы знаем, что Жак де Моле приказал уничтожить экземпляры устава, то есть он предчувствовал удар со стороны короля и было бы странно, если бы он не приказал скрыть хотя бы самые ценные предметы.

О составе скрытого имущества можно только строить гипотезы. Прежде всего, надо вспомнить, что большая часть имущества, хранившегося в ордене, ему не принадлежала, но была передана ему на хранение, — также как суммы на счетах клиентов и содержание сейфов не принадлежит сегодня банкирам. Нам мало что известно о процедурах возврата, которые начались, но можно полагать, что вклады были возвращены. Остаток собственного имущества ордена состоял из даров, трофеев и процентов прибыли, вложенных в золото или ценные предметы: все это должно было представлять большой запас. Конечно, золото было редкостью в Средние века, но его было больше на Востоке, а большая часть имущества Храма наверняка была возвращена на родину из Палестины, так как надвигающаяся опасность предвидели заранее: битва под стенами Акры ни в чем не походила на взятие Константинополя.

Часть этих сокровищ осталась на Кипре, где она долгое время служила защите острова. Что касается ценностей, привезенных в Европу, мы не знаем, были ли они сконцентрированы в Париже или вообще во Франции, или разделены между провинциями и учреждениями ордена. Таким образом, могло существовать несколько хранилищ.

Безусловно, парижская казна была самой важной, так как именно в этом городе находилась «штаб-квартира», под руководством Гуго де Пей-ро, досмотрщика Франции. Если допустить, что она была эвакуирована, куда могли ее направить? Логично, что если опасность крылась во Франции, то в соседнюю страну, и, возможно, именно в Англию,

которая была самой близкой и самой надежной страной. У ордена были свои корабли, и сокровища могли отправиться вниз по течению Сены, и, в таком случае, естественным направлением могла быть только Англия. Это рассуждение, мне кажется, должно заставить поразмыслить тех, кто ищет главную казну во Франции.

По мнению Жерара де Седа^{*} эту гипотезу может подтвердить заявление тамплиера из Немура, некоего Жана де Шалона, которое фигурировало (или вроде бы фигурировало) в архивах Ватикана^{**}. Этот брат видел на закате солнца накануне ареста, как из храма в Париже выехали три телеги с соломой, под которой были спрятаны сундуки. Свидетель добавляет (но откуда он мог это знать?), что эти сундуки с одержали сокровища Гуго де Пейро, которые должны были быть отправлены за границу на кораблях ордена.

Из этого заявления, вроде бы, должно следовать, если ему можно верить, что не все сокровища были эвакуированы сразу. Эти три повозки, безусловно, представл яли последнюю поездку, и каждый хранитель должен был эвакуировать часть, доверенную ему. Другие части общей казны, таким образом, могли были быть спрятаны во Франции, посланы в Испанию или в Прованс, а то и переправлены на Кипр. Итак, еще есть надежда у тех, кто думает, что сокровища были спрятаны в Жи зоре^{***}, в Аржини на Роне^{****}, в Валькрозе в Варе^{*****}, в Индре-и-Луаре и т. д.

Парижская казна, напротив, возможно, попала в Англию. Что с ней стало? В этой стране тамплиеров не преследовали, и у них было дос таточно времени, чтобы свободно и как можно лучше распорядиться ей в своих интересах. Однако меня удивляет, что в Англии искателей сокровищ меньше.

Безусловно, можно вообразить — разве это не более соблазнительно? — что корабли не смогли покинуть Францию и з-за погоды или потому, что побережье было под наблюдением, и что их ценный груз был спрятан в склепе, где и покоится до сих пор. Жалко, что Морис Леблан, когда писал «Полую стрелку», не добавил эту находку к прочим находкам Арсена Люпена.

Я добавлю личную гипотезу, о которой, мне кажется, никто не думал, поскольку она была бы слишком разочаровывающей. Допустим, что Климент V получил некую конфиденциальную информацию, позволяющую ему получить часть богатств? Он не стал этим хвастаться, хотя бы для того, что бы скрыть их от алчности короля Франции. Климент V тоже нуждался в деньгах: расходы на Церковь, его семья, его врачи стоили ему слишком дорого, - уж не говоря о его любовнице, прекрасной Брюнесенде, графине де ла Марш, о которой современники говорили, что она стоит Церкви дороже, чем Святая земля.

Тамплиеры и художественный вымысел

История тамплиеров всегда будила воображение. Наряду с историческими исследованиями, существует целый пласт литературы, посвященной делу Храма, которая основывается больше на искусстве культивировать тайну, чем на критических рассуждениях и анализе текстов.

Я не осуждаю художественный вымысел при условии, если эти произведения честно представляются тем, чем являются на самом деле, то есть романами.

^{*} Cerard de Sede: «Les Temliers sont parmi nous», Paris, 1963. (Примеч, авт.)

^{**} Жерар де Сед дает их исходные данные и даже приводит фоторепродукцию, те есть это не является государственным секретом. (Примеч, авт.)

^{***} Gerard de Sede. Op. cit.

^{****} Robert Charroux. Tresor du monde. Paris, 1962. (Примеч. авт.)

^{*****} Robert Charroux. Op. cit. (Примеч. авт.)

Конечно, историки тоже могут формулировать гипотезы по поводу какой-либо тайны. И они не лишили себя этого удовольствия в истории о тамплиерах. Но гипотезы историка всегда ограничиваются содержанием документов или общими знаниями, которыми мы обладаем по каждой эпохе. Когда свысока смотрят на эти ограничения, жонглируют хронологией или говорят об оккультизме, то получают шанс иметь максимальный успех у мало информированной и жадной до сенсаций публики. Произведение, основанное на домыслах, более соблазнительно, чем объективное исследование; вымысел побеждает правду. Также и, несмотря на то, что специалисты указывают, что это было невозможно, многие еще предпочитают верить, что человек в железной маске был братом близнецом Людовика XIV, а загадка Людовика XVII более известна из «Виконта де Бражелона», чем по кропотливым исследованиям мэтра Мориса Гарсона*.

Было бы сложно перечислить все художественные произведения, которые вдохновило дело тамплиеров. Я ограничусь упоминанием трех книг, появившихся недавно, которые достаточно хорошо излагают все то, что может быть придумано на эту тему, если не брать на себя труд прочитать буллы Климента V и протоколы допросов.

Но дело тамплиеров породило не только романы, но и один из самых грубых «розыгрышей» истории в середине XIX в. Чтобы рассеять все неясности, сначала я перескажу эту забавную историю.

1) Папа нового Храма

Климент V упразднил орден Храма и Церковь никогда больше не возвращалась к этому приговору. Но любители тайн не могли остановиться на этом и очень часто пытались приписать тамплиерам дальнейшее подпольное существование. Среди сект, которые претендовали на то, что получили оккультной передачей секреты Жака де Моле, самой удивительной является та, которой удалось добиться того, что сам Наполеон воспринимал ее серьезно, удалось провести из вестных людей и продержаться до 1870 г.

Однако, ее основателем был сомнительный человек и успех этой мистификации мог бы удивить, если бы мы не знали сотни других примеров удачи некоторых шарлатанов. Так как Бер-нар-Раймон Фабре-Палапра, родившийся в Корде 29 мая 1773 года, возможно был медиком; но гораздо более ловко он пользовался доверчивостью современников, чем практиковал свое мастерство терапевта.

В эпоху Консулата он являлся всего лишь президентом гастрономического кружка, называемого «клуб филяе»: вот где была колыбель нового Храма, может быть потому, что формула «пить как тамплиер» была там в чести. Всегда случается, что однажды, — совсем как в наши дни, один почтальон в Монфаве провозгласил себя Христом и смог убедить в этом своих сограждан — Фабре-Палапра вдруг провозгласил себя преемником Жака де Моле и преобразил «клуб филяе» в секту тамплиеров, чьим великим магистром он, безусловно, и стал.

Для того, чтобы подтвердить свои претензии, он показывал «сокровища», состоящие из шлема Моле и нескольких костей, якобы собранных в пепле костра, где сгорел мученик. Так как этого было не достаточно, он сфабриковал для себя документ, написанный готическими буквами, «Ле-витикон», который показывал преемственность великих магистров Храма... от Иисуса Христа! На нем можно было увидеть подписи таких знаменитых людей как Байяр, Монморанси, Кольбер, Монтескье (жаль, что не было подписи Иисуса Христа). Довольно удачной уловкой было использование подлинного

* Le proces Louis XVII, ed.. Amiot-Dumont. Paris, 1955; Maurice Carcon. Louis XVII ou la fausse enigme. Paris, 1968.

списка великих магистров масонов * с момента регентства до герцога Коссе-Бриссака, известного тем, что он стал преемником Людовика XV в любовной связи с экс-фавориткой дю Барри. К несчастью, Бриссак, командир швейцарских гвардейцев, был убит, в своей тюрьме, в сентябре 1792 г. и его голова была брошена к ногам его любовницы. Так как его не было там, чтобы разоблачить эту ложь, начиная с этой даты, у нас нет никаких фактов кроме слов Фабре-Палапра. Хотя, ничего подобного нет в завещании Бриссака, написанном в тюрьме, Фабре-Палапра утверждал, что герцог передал власть некоему Радиксу де Шевилону, который, в свою очередь, передал тайный факел Фабре-Палапра, предусмотрительно дождавшегося смерти Шевилон, чтобы воспользоваться этим священным наследием.

Ни один серьезный историк, кроме несчастного аббата Грегуара, никогда не верил в подлинность «Левитикона». Позже, некий виконт д'Асфельд, порвав с Палапра, подтвердил, однако, что документ является фальшивкой.

Тем временем, махинация пользовалась колоссальным успехом и приносила тому, кто ее придумал, целое состояние. Воскресший в 1804 г. новый орден Храма обогатится, как и настоящий, но средствами гораздо более простыми, в которых не было ничего магического. Он продавал простофилям фальшивые аристократические титулы, награды, знаки отличия, церемониальную одежду и прочие безделушки. Всегда полезно играть на зависти: все те, кто не мог получить от Наполеона титулы новой аристократии, набросились на благородные звания, щедро раздаваемые великим магистром Палапра.

Самое забавное, что, кажется, сам Наполеон поверил в этот маскарад. 28 марта 1808 г., когда новые рыцари проводили церемонию в память Моле, император предоставил им свою гвардию. 16 октября 1810 г. их собрание удостоилось чести присутствия принца. Архиканцлера, герцога Парм-ского, проще говоря, личного присутствия Кам-басереса. Надеялся ли Наполеон найти, на этом собрании клоунов, серьезную поддержку в конфликте с Папой?

Также удивительным кажется соучастие в этом некоторых прелатов. Так как, надо полагать, что воспоминания о тамплиерах вдохновляли на ересь: Палапра не удовлетворился титулом великого магистра и, в конце концов, провозгласил себя... Папой! Разрывая с Римом, и став предтечей экуменизма (он охотно принимал в свои ряды англиканцев и протестантов), он присвоил себе звание «*Суверенный понтифик Церкви, патриарх и прямой преемник Иисуса Христа, через орден Иоанна*». Не меньше. Рим хранил молчание, а священники служили на мессах ордена.

Вопреки всем ожиданиям, новый Храм пережил падение империи и продолжал процветать во времена Реставрации. Еще в 1833 г. он организует празднование и большую церемонию во Дворе чудес (все было указано), на которой молятся за государя и едва одетые монастырские послушницы собирают деньги. Это был апофеоз Палапра, у которого стали проявляться признаки психического расстройства. Он умер в 1838 г. и был заменен английским адмиралом, адмиралом Смитом, который, не колеблясь, воспользуется завоеванием Алжира и отправится туда, чтобы возобновить борьбу с «неверными», однако весьма безуспешную.

Смит отказался от мало ортодоксальных притязаний своего предшественника, но Рим продолжал остерегаться. Когда в 1845 г. принц Шиме испросил у Папы Григория XVI отмены приговора Климента V и признания тамплиеров, святой отец с юмором ответил, что ставит при этом единственное условие: восстановление обета послушания Папе. Будучи хорошо осведомленным, он знал, что это требование будет неприемлемым для не

* Регент до 1723 г., затем герцог дю Мэн (1723-1736), Луи-Анри де Бурбон-Конде (1736-1740), Луи-Фердинан де Бурбон-Конта (1741-1776), и, наконец, Луи Эркуль Тимoleon де Коссе-Бриссак, который был губернатором Парижа и командующим швейцарской гвардией при Людовике XVI. (Примеч. авт.)

католических членов. Попытка не удалась, к тому же Церковь никогда не выказывала ни малейшего намерения пересматривать приговор Климента V.

Несмотря на свои успехи, орден пережил несколько расколов: в 1812 г., возглавляемый графом Лепелетье д'Онэ, затем раскол виконта д'Асфельда (в действительности авантюриста по имени Латапи), которому пришла очень приятная идея ввести в орден женщин.

К 1845 г. орден насчитывал 78 приорств, 154 бальяжей и 274 командорства. Он распространен не только во Франции, но и в Англии, Германии, Швеции, Швейцарии, Испании, Португалии, Италии и Греции. Он потерпел только одну неудачу на Гаити, где президент Доминиканской республики потребовал доказательств, прежде чем дать «занять» у себя 4000 ливров: так как доказательства не были предоставлены, он выгнал так называемых тамплиеров. Ни один монарх, кажется, не предпринял тех же мер предосторожности: в 1844 г. король Швеции, чуть было не согласился быть избранным великим магистром, но он вовремя умер и избежал этого позора, а его сын Оскар I отклонил эту честь. Странный король Георг IV был более наивен и принял звание великого магистра для своего государства.

Однако, всякая мистификация имеет свои пределы и орден быстро пришел в упадок при Наполеоне III. Он разделился на национальные объединения и, загадочным образом, исчез. Последнему великому магистру осталось только передать «сокровища» в государственные архивы. Стоит ли уточнять, что там невозможно найти никаких подлинных документов, никакого завещания Моле, никаких останков архивов Храма?

Однако, идея была очень плодотворной. Мы увидим попытки ее воскрешения в Брюсселе в 1932 г., затем в Париже в 1945 г. в виде «французской ассоциации рыцарей независимого и воинствующего ордена Храма Иерусалимского», регулярно публиковавшейся в «Журналь офиссьель». Но не все с этим были согласны, так например, в 1963 г. маркиз де Во называет себя «нынешним, законным и неоспоримым Суверенным Великим Магистром тамплиеров во всем мире»^{*}. Но он тоже не знает, где находятся архивы Храма.

И, наконец, 24 июня 1967 г. было создано еще одно новое братство тамплиеров^{**}. Их было всего лишь трое, но кто может быть уверен, что у них не будет последователей?

Однако, никто, кажется, сегодня не имеет ни размаха, ни наглости Фабре -Палапра, которому удалось надуть Наполеона, трех королей Франции, несколько зарубежных монархов и многих людей, претендовавших на принадлежность к элите, просто продавая титулы, придуманные гербы и регалии. Но, некий Врен-Люка, разве не продал Академии Наук письма Клеопатры, Марии Магдалины и Верцингеториг... на старофранцузском и на бумаге с королевскими лилиями?^{***}

2) Романы о деле тамплиеров

Gerard de Sede. «*Les Templiers sont parmi nous*», ed. Juillard, 1962. *Жерар де Сед*. «Тамплиеры среди нас». Paris, 1962.

Аннотация этой книги утверждает, что она соединила «строгий смысл исторического исследования с настоящим полицейским расследованием». Я воздержусь от комментариев по поводу строгости исследования, но я без колебания отнесу эту книгу к хорошим полицейским романам. Здесь есть старинный замок с подземельями, склеп с саркофагами, знаменитое сокровище, немного алхимии, немного криптографии. Все это увлекательно и,

^{*} Le miroir de l'histoire, 1963, p. 401. L'evenement, n. de juin 1967, p. 84.

^{**} Cf. Jacques Franju: "Le grand canular", ed. Seghers 1963

в конце концов, почти сожалеешь, что это неправда. К тому же, можно сожалеть, что автор излишне грешит... уточнениями. Так как, в конце концов, этот подземный зал замка Жизор, чье местонахождение и размеры даны с такой точностью, должен был бы быть найден при раскопках. То, что раскопок никогда не было, заставляет читателя, который «клюнул», остаться немного неудовлетворенным. Это почти как ловушка Бель-фегора в музее Лувра, остается сожалеть, что на месте никаких ее следов не найдено.

В этой книге историк также узнает много нового, во что он вряд ли поверит. Например, много говорили плохого о непостоянстве Алиеноры Ак-витанской, но и часто старались ее реабилитировать; но никто не сможет больше простить ей то, что она выдала Генриху Плантагенету секреты тамплиеров. И это уже в 1152 г., даты его второй женитьбы, в то время как орден Храма получил свой официальный статус только в 1128 г. и должен был быть, на тот момент, еще совсем не богатым, когда Людовик VII неосторожно расстался с женщиной, столько знавшей! То, что Папа Каликст II приехал во Францию в 1119 г. только для того, чтобы заняться таинственным замком Жизор (р. 210), является весьма оригинальным объяснением. Мы-то думали до сих пор, что он уже был во Франции в качестве епископа Баланса до момента его избрания, которое произошло в Клервоне, где нашел убежище его предшественник, изгнанный из Рима императором Генрихом V. Сколько секретов, о которых мы не знали, открыл нам господин де Сед!

То, что замок Жизор сориентирован по сторонам света, возможно, но, что все в нем с самого начала строительства было задумано «в зависимости от состояния небесных светил в данном месте на 24 декабря» (р. 229), также как в замке Монсежюр, по мнению других, кажется нам маловероятным, несмотря на графики. А то, что эта загадочная архитектура, посвящена культу Изи-ды, кажется еще более удивительным, несмотря на криптографическую загадку, заставившую потерпеть поражение Шарля Нодье (которого мы вовсе не ожидали встретить в этом деле).

Я готов согласиться, что собор Парижской Богоматери был сооружен на месте древнего языческого храма. Так было со многими церквями. Но то, что это демонстрирует связь между аргонавтами и парижскими перевозчиками, очень плохо объясняется латинской надписью... с двумя орфографическими ошибками (р. 187). И, наконец, если действительно тамплиеры отреклись от Иисуса Христа во имя служения Изиде, им надо поставить это в заслугу, так как языческие культы, запрещенные в 392 г. императором Феодосием, могли быть известны в Средние века лишь чрезвычайно редким эрудитам. А сам автор — верит ли в то, что он нам рассказывает? Иногда, чувствуется как проскальзывает сомнение или ирония, например, по поводу этого призрака загадочной королевы Бланки (р. 223), очень хорошо вписывающийся в латинскую фразу, использованную объясненную... Арсеном Люпенем в «Графине Калиостро».

Я разрушу последнюю иллюзию: безусловно, тамплиеры никогда не «считались мастерами в искусстве криптографии» (р. 147). Эта наука оставалась очень примитивной вплоть до XVI в., когда ее первые методики были усовершенствованы венецианцами и математиками Генриха IV.

Но не слишком требуйте от автора предоставить вам доказательства: он черпал свои данные в книге, которую «невозможно найти в публичных библиотеках» (р. 163), и он сам добавляет: «конечно».

Louis Charpentier. «Les mysteres templiers», (ed. Robert Laffont, 1967).

Луи Шерпантье. «Тайны тамплиеров», (изд. Робер Лаффон, 1967).

Если вы любите тайны, вот они! Много романов уже было написано о секретах Храма, связанных со всеми видами оккультизма. Но, в области вымысла, господин Шерпантье намного опередил всех своих предшественников. Он, не колеблясь, переписал всю историю западного мира с XVI в., с даты создания ордена св. Бенедикта, который, якобы, позволил спасти от «варварства» загадочные античные секреты.

Св. Бернар, тайный диктатор христианского мира, передал эти секреты тамплиерам, но ему не хватало главного элемента, скрижалей законов царя Соломона.

Если вы хотите узнать: как св. Бернар послал рыцарей в Палестину, чтобы найти эти скрижали, зарытые в руинах храма; как сногшибательные секреты, записанные на этих скрижалях, позволили спасти цивилизацию; как, получив то, чего добивался, св. Бернар уклонился от второго крестового похода, к которому он, однако, призывал, и как орден Храма перестал интересоваться гробницей Христа; как тамплиеры открыли Америку задолго до Колумба, и поддерживали отношения с индейцами с длинными ушами и привезли оттуда тонны серебра, которое было использовано при строительстве соборов; как тамплиеры изготавливали золото, открыв источник энергии, более мощной, чем деление атома, но биологического происхождения, до сих пор не известные ученым XX в.; как орден тамплиеров почти установил мировое господство, но злобные доминиканцы, завидуя его могуществу и, наслушавшись советов Рима, сумели убедить Филиппа Красивого (чьим духовником был доминиканец, что очень опасно) уничтожить своих конкурентов; и, как, все-таки, орден выжил (так как Жанна д'Арк была тамплиершей), а Христофор Колумб узнал от португальских тамплиеров путь в Америку; как один тамплиер заранее написал предсказания, которые потом были опубликованы под именем Нострадамуса... и здесь я пасую. Читайте, все-таки, книгу. Это более увлекательно, чем Александр Дюма и превосходит все шпионские романы.

Но, все-таки, нужно сказать о религиозном процессе, который занимает весьма мало места в этой книге. По мнению господина Шерпантье, тамплиеры, конечно, отрекались от Иисуса и плевали на распятие; но тот от кого они отрекались, был Иисус, приговоренный Пилатом, а вовсе не Христос. Так как, за много веков до появления современного толкования Библии, тамплиеры проникли в секрет Евангелия, благодаря документам, найденным во время их раскопок в храме: может быть они обладали не исправленной книгой Иосифа Флавия (жалко, что они нам ее не передали, она бы нам очень пригодилась). В любом случае, они знали, что Евангелия соединили два рассказа, имевших различное происхождение: один, касающийся иудейского агитатора враждебного римлянам, вождя вооруженной банды (меч Петра), который, как раз и был приговорен и распят Пилатом, и который не заслуживает ничего кроме плевков; другой рассказ, касающийся учения истинного Христа, Учителя, который, возможно, был учителем справедливости ессеев. Тамплиеры знали все благодаря посвящению, данному им св. Бернаром, обладателем тайных знаний фараонов, создателем готического искусства, и также бывшим еретиком, по мнению Рима (!). Они знали, что земля круглая и измерили ее размеры. Если бы они одержали победу, Францию ждал бы золотой век.

Но Церковь не могла позволить расти силе, угрожающей ее собственному господству и догмам, даже если столь ужасные секреты были переданы всего нескольким посвященным на тайных ночных церемониях. Итак, мы видим, как против Храма объединились злобный Папа Климент V, злой король Франции и чудовищные доминиканцы, творцы инквизиции. Цивилизация тамплиеров была разрушена и, поэтому, Европа познала снова голод, Столетнюю войну, страшную чуму 1348 г. Но Храм не умер, выжившие хранили и тайно передавали знания. Когда английские короли, потомки Филиппа Красивого, захотели править Францией, они вдохновили Жанну д'Арк и она открыла великий секрет Карлу VII, именно в Шиноне, где высшие руководители Храма томились когда-то в заточении. За это, она была сожжена как Моле. Но месть Храма, осуществленная оккультными средствами, благодаря способности шипа защищать розу, оставалась всегда ужасной: именно, чтобы отомстить за Моле, Людовик XVI* был заточен в Тампль (Храм) и обезглавлен, и т. д.

* Однако он являлся, пусть косвенным, потомком Филиппа Красивого: все упорно и называли его Капе-том. (Примеч. авт.)

Если этот роман вас притягивает, вы не соскучитесь. Вы узнаете из него, что Моле умер без страданий, так как владел секретом бонз, которые сжигали себя без боли (хотел бы я в это поверить ради них). Вы также узнаете в книге, где находятся сокровища (опять!) и скрижали Соломона; все это захоронено под одним из прудов, которыми испещрен лес на востоке Шампани.

После всех этих волнующих откровений, разве имеет значение, что автор немножко путает хронологию расследования и процесса? Однако господин Шерпантье испытывает некоторые сложности, пытаясь объяснить признания, полученные не под пыткой и жалкое поведение де Моле в течение семи лет. Ценой таких жертв, скажет он нам, Храм смог сохранить свои секреты. Но почему надо было молчать о стольких, полезных для человечества вещах? Почему, например, когда все было потеряно, не открыть путь в Америку или приемы, которые могли позволить увеличить урожаи? Безусловно, потому, что больше не было бы тайн, а значит и книг подобного рода.

Robert Ambelain. «Jesus, ou le mortel secret des Templiers»
(ed. Robert Laffont 1970).

Робер Амбелен. «Иисус, или смертельный секрет тамплиеров» (изд. Робер Лаффон, 1970).

Из всех объяснений тайны Храма эта, безусловно, самая неблагоприятная для несчастных тамплиеров, так как допускает, что они действительно отрекались от Христа и сознательно плевали на крест.

Все это потому, что на Востоке они узнали «смертельный секрет», а именно, что исторический Иисус не тот, что описан в Евангелиях, а просто вождь разбойников, справедливо приговоренный Пилатом с двумя своими сообщниками.

Идея об Иисусе не нова и автор ограничивается вышиванием по канве, придуманной Даниэлем Массе. Я не буду особо останавливаться на этом аспекте книги, хотя именно это является в ней главным, но задержусь на том, что касается тамплиеров.

Автор не говорит нам, каким образом великие магистры Храма открыли этот «смертельный секрет»: предположительно, все доказательства этого были уничтожены, а христианские тексты «перелицованы». Итак, больше не существует доказательств, что очень удобно позволяет воображению блуждать как угодно. Но, при этом условии, нам не объясняют, как тамплиеры могли получить это невероятное объяснение личности Иисуса.

Положим, они нашли какую-либо рукопись на эту тему (с тех пор, конечно, исчезнувшую); объясните тогда, как они поверили в то, что там написано? Очень вероятно, что христиане XII или XIII в., открыв для себя подобное повествование, отбросили бы его с возмущением и продолжали бы верить в евангельские рассказы.

Надо ли добавить, что в процессе над тамплиерами нет ничего, что содержало бы хоть намек на эту тему? Даже высшие руководители называли себя добрыми христианами, просили разрешить участвовать в мессе, выказывали глубокое почитание Деве Марии. Приписывать мученикам Храма такое отречение от их веры, это, все-таки, безосновательно оскорблять их память. Не ответили ли на него заранее узнйки, которые в Домме, в Перигоре начертали на стенах своего узилища эти поучительные надписи: повсюду кресты и следующие слова: «*Ecce lignum cricis, credo*» (вот дерево креста, я в это верю)?*

Не может воображение заменить внимательного изучения документов для описания истории.

* Сравните исследования этих граффити, сделанные Теннелъе в журнале «*Archeologia*», № 33 и 38. (Примет, ред.).